

ЗВЕЗДА

1998 5

В НОМЕРЕ И. БРОДСКИЙ, С. ДОВЛАТОВ

- Евгений Рейн
Стихи.
- Валерий Попов
Пропадать, так с музой. Рассказ.
- Соломон Волков
Разговоры с Иосифом Бродским.
- Кейс Верхейл
Вилла Бермонд. Роман. С голландского.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

АРМЕЙСКИЕ ПИСЬМА К ОТЦУ

В августе 1995 года отец отдал мне свой диктофон: «Пусть будет у тебя. Этот диктофон мне подарил Сережа, когда я ему сказал, что по ночам мне стало трудно вскакивать к пишущей машинке».

В течение нескольких вечеров я записывала на крошечные кассеты то, что отец рассказывал о своей жизни, о моем брате Сергее Довлатове, о разном.

Вместе с диктофоном отец дал мне большой желтый пакет. В нем были письма. На кассете осталась такая запись:

— Меня не будет, ты их опубликуешь. Здесь больше ста Серезиных писем. Отрывки из некоторых я комментировал в своих статьях о нем.

— Ты считаешь, что их корректно публиковать?

— Что значит корректно? У писателей публикуются письма. Я не совсем понял твой вопрос. Ты что, считаешь, что Сережа недостоин такой публикации?

— Нет, не в этом дело. Просто переписка дело интимное, письма принадлежат двум людям — тому, кто их написал, и адресату. Это щепетильный вопрос.

— Видишь ли, я не считаю, что письма принадлежат двум людям. Они принадлежат тому, кому адресованы. Ведь Пушкин же не писал какому-нибудь проходимцу, или чужому человеку, или несостоящему. Я стопроцентно убежден в том, что Сережа был сторонником открытости писем. Другое дело, что он был взбудоражен, взволнован, обозлен, когда родственник его ленинградского друга стал публиковать куски писем из Америки, явно Серезу порочащие. Там было много гротеска. И Сережа считал это предательством. Но это частный случай.

— А стихи? Их очень много в армейских письмах. Часто писатель относится критически к своим юношеским творениям...

— Абсолютно корректно. Сережа считается одаренным писателем по последующим литературным работам. Эти стихи никоим образом его не дискредитируют, даже если кому-то не понравятся. Посылая стихи, Сережа чаще всего принижал их ценность, тем не менее каждый раз спрашивал, что я думаю по поводу присланного стихотворения, писал, что для него это чрезвычайно важно.

— Как же тебе удалось сохранять эти письма более 30 лет?

— Когда я собрался поехать в Америку, то Сережа меня предупредил, чтобы я обратился к одному его знакомому литератору, если мне понадобится переслать что-нибудь на Запад. Тот переправил мои рукописи и письма через Францию. Пришли они года через три.

Однажды я решил, ни слова не говоря Серезе, опубликовать в «Панораме» мои курьезные истории о нем. Я отнюдь не был убежден, что Сережа не будет в претензии. Однако, прочитав их в газете, он позвонил мне и сказал: «Мне нравится. Давай!» Вскоре после этого он пришел ко мне и принес вот эту кипу писем.

— Ты сохранил эти письма, руководствуясь родительскими чувствами?

— Я их сохранил потому, что мне казалось, что у Серези есть литературные способности. Я предполагал, что эти письма могут быть интересны не только мне.

* * *

Довлатов писал: «Осенью 62-го года меня забрали в армию, я оказался в республике Коми, служил в тайге, да еще и в охране лагерей особого режима, но зато я чуть ли не каждый день получал письма от моих родителей, от старшего брата и несколь-

ких близких друзей, и эти письма очень меня поддерживали в тех кошмарных условиях, в которые я попал, тем более что почти в каждом из них я обнаруживал — рубль, три, а то и пять, что для советского военнослужащего истинное богатство»*.

— Согласно переписке, однако, получается, что Сергей ушел в армию не осенью, а в середине июля 1962 года, т.е. за полтора месяца до того, как ему исполнился 21 год.

Письма из армии составляют большую часть всех писем Довлатова, сохранившихся в архиве его отца Доната Мечика, остальные были присланы из Таллинна и Нью-Йорка. Лишь иногда на них стоит день и месяц, а иногда даты (получения?) проставлены рукой адресата. Армейских писем около ста. В «Звезде» публикуется большая их часть, посвященная, в основном, стихотворным опытам молодого автора.

Будь Довлатов жив, вряд ли он одобрил бы публикацию своих юношеских стихов. Но с другой стороны, он ведь сам однажды сказал, что «после смерти начинается история». Из армии Сергей писал отцу, что стихи «спасают его» и что он «ручается за то, что даже в самых плохих его стихах нет ни капли неправды». Поначалу он хотел использовать их в прозаических произведениях, которые тогда только задумывал. Но, составляя впоследствии «Зону», он включил в текст всего несколько стихотворных строчек, кстати, приписав авторство другому человеку.

Эти стихи, однако, имеют отношение к последующей довлатовской прозе, хоть и косвенное. Так, из шуточного стихотворения о Дантесе в некотором смысле вырастет «Заповедник». В стихах впервые появляется мысль о сходстве лагеря и воли, что станет лейтмотивом «Зоны».

Письма Довлатова к отцу, на мой взгляд, интересны и как факт биографии писателя. Конечно же, в жизни Сергеем были свойственны горячность и нервозность. И в такие моменты мишенью его иронии становились в первую очередь люди из непосредственного окружения. Отец в этом смысле не был исключением. Но вместе с тем Довлатов умел быть заботливым и нежным сыном, в особенности в последние годы в Америке. О том, что его отношения с отцом были не просто дружеские, но близкие, говорят и эти письма.

Ксения Мечик-Бланк

〈Конец июля 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат!

У меня все в порядке. Живем мы в очень глухом месте, хоть и относимся к Ленинградскому военному округу.

Может быть, можно что-нибудь сделать, чтобы меня переслали поближе к Ленинграду. Может, Соловьев мог бы помочь, хотя не думаю¹. А нельзя, так тоже ничего. Перетерпим как-нибудь. Но, по правде говоря, надоело изрядно. Я, конечно, сваял дурака. Писать пока не о чем.

Жду писем от тебя.

Всем привет.

С. Довлатов

¹ Генерал И. В. Соловьев — комиссар милиции Ленинграда, с которым Д. Мечик был знаком через артиста Василия Меркурьева. (См.: Донат Мечик. «Закулисные курьезы», New York: Memory Publishing, 1986, с. 60.)

〈Конец июля 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донатец. Здравствуй, мой уважаемый шпак!

Я получил твое письмо 26 июля, получил и книжицу. Ты требуешь письма до 1 августа, но я не уверен, что оно доберется в срок¹. Ты пишешь что-то о письме с какими-то вопросами — я этого письма не получал, разве что еще будучи в Лен<ингра>де². Пропажка письма нетипична для нашей жизни, поэтому я удивлен.

Все другие письма дошли. Мне часто пишет мама и Анька и Валерий³. Еще раз спасибо за деньги. Еще раз уговариваю больше не посылать денег.

Теперь насчет посылки. Я почувствовал, что ты все равно пошлешь, и, поразмыслив, решил, что мне все равно вот что. Мне нужен обыкновенный банальный перочинный нож, из дешевеньких, попроще. Чтоб было там шило и минимум одно лезвие. Не следует посылать портящихся продуктов, т.к. посылка лежит обычно на почте дней 5, а то и больше. Хочу добавить, что я абсолютно сыт,

* Малоизвестный Довлатов. СПб., 1995, с. 290.

причем питаюсь небезынтересно. Было бы здорово, если б ты прислал 2 банки гутаина и какую-нибудь жидкость или порошок для чистки медной бляхи. У нас почему-то этих вещей нет, и приходится тянуть друг у друга.

Десять штук безопасных лезвий свели бы меня с ума. И еще вот что. Пришли какие-нибудь витаминные горошки в баночке, а то старослужащие солдаты пугают цингой. Вот и все, а то я что-то разошелся. Спасибо!

Писать о моей жизни я никаких подробностей не могу, но можешь быть уверен, что тут есть на что посмотреть. Кое-чему меня здесь научат. А, например, мыть полы, так я уже выучился. Может быть, тебе интересно будет узнать, что одеваюсь я по полной форме за 45 секунд.

Далее. Писать мне можно хоть три письма в день, ограничений нет. Пиши, пожалуйста. Я тоже буду писать, напишу еще раза два в Киев, но, очевидно, письма будут короткие, потому что писать нечего, остается уверять, что все в порядке, сыт, одет, бодр и деньги не нужны.

Ты понимаешь, Донат, весь юмор и живость у меня утекают в письма маме и Аньке, потому что дамы очень волнуются и я их старательно веселю и развлекаю в каждом письме, поэтому письмо тебе получилось корявое и дурацкое, что не означает, что я поглупел или одичал, просто я пишу украдкой на занятиях и время от времени поднимаю голову, переспрашиваю, в общем делаю вид, что записываю, что диктует сержант.

Кстати сказать, к моему удивлению, солдат из меня получается неплохой. Я выбился в комсорги и редакторы ротной газетенки. Начальство меня хвалит и балует, и даже раз, когда я уснул на занятиях, сержант меня не стал будить и я спал полчаса. Случай этот совершенно для армии феноменальный. Вот как.

Будь здоров, Донат. Крепко тебя обнимаю. Колоссальный привет мамехе и сестричке. Я к ним очень привык. Напиши какие-нибудь подробности про Ксанку. Еще раз привет Люсе и спасибо ей за все⁴. Жду писем.

Сергей

¹ В августе 1962 г. Д. Мечик уезжал в Киев ставить эстрадную программу для джазового оркестра.

² В период сборов.

³ Аня Райлян и Валерий Грубин — ленинградские приятели С.Д.

⁴ Люся — моя мать, вторая жена Д. Мечика. Она всего на 7 лет старше С.Д., с чем связаны вариации в имени: в некоторых письмах он называет ее Людмилой Ивановной.

<7 августа 1962. Коми — Киев>

Донат!

Я получил от тебя прекрасное, назидательное письмо, вызвавшее общую зависть своей толщиной. У нас тех людей, которым приходят толстые письма, уважают гораздо больше и считают их более солидными.

Кроме того, я получил извещение насчет полупудовой посылки. Тебе за все спасибо.

Теперь с нетерпением буду ждать твоего отзыва о стихах. Когда я удостоверюсь, что письмо с ними дошло, я пошлю тебе еще штук 5.

Уеду, очевидно, числа 26¹. Так что, последнее письмо можешь послать не позже 20-го.

У меня по-прежнему все в порядке. Получаю письма почти каждый день. Мама и Анька пишут очень трогательно. Иногда получаю на удивление добрые и товарищеские письма от супружины².

Нечего писать, Донат.

Должен сообщить тебе одно удивившее меня наблюдение над собой. Дело в том, что я значительно больше скучаю здесь без вас с мамой и без моих товарищей, чем без дам. Я никак этого не ожидал.

И еще я понял, как я люблю Ленинград. Я никогда больше не уеду из этого города. Нас здесь много, ленинградцев. Иногда мы собираемся вместе и говорим о Ленинграде. Просто припоминаем разные места, магазины, кино и рестораны. Кроме того, ленинградцев очень легко отличить от других людей.

Нечего писать, Донат!

Я правду писал тебе, что все силы у меня уходят на то, чтобы наполнить оптимизмом письма к маме и Аньке (я имею в виду творческие силы).

Вот я тебе pošлю, пожалуй, вчерашний стишок. Часть стихов я не хочу тебе посылать, чтоб не напугать и чтобы не дали мне по шее, если прочтут случайно на почте. Вообще письма вскрывают крайне редко. Так что, нет необходимости писать так: «Ксанка гордится, что ты охраняешь наши границы от вражеского нападения». Я сторожу «полосатиков», попросту говоря³. Итак стишок:

Примечание: жмурами здесь называют покойников, от глагола зажмуриться. Дальше. Ропча и Зимка — это названия мест.

Посв<ящается> памяти Андрея Рябчуна

За осиновой рощей
Яму рыли вчера
Хоронили под Ропчей
Молодого жмура

Были стройные залпы
Визг надраенных труб
Специфический запах
Передержанный труп

Мы вернулись на Зимку
Схоронив одного
Вдруг приходит посылка
Для него, для него

В ней зеленые груши
Мать прислала Андриюше*

Еще одно:

Прим: Весляна — место.

Торчим под Весляной без супа
Без чаю и табаку
Лежишь на спине полсуток
А после лежишь на боку

И скука, проклятая скука
Сильней с каждым днем и сильней
Земля тоже вертится, сука!
И нету порядка на ней.

Ну, ладно. Кончаю на этом. Через недельку напишу еще. Не беспокойся, я в полном порядке.

Привет Люсе и сестричке.

С. Д.

¹ Речь идет о местном перемещении.

² Аси Пекуровской, первой жены С. Д.

³ «Полосатиками» в зоне называли заключенных лагерей особого режима за их полосатую одежду.

10 августа 1962. <Коми — Киев>

Дорогой Донат!

Получил сразу два твоих письма и книжечку. Спасибо. Газету возвращаю. Рад, что ты сумел «поделиться своими мыслями без тяжеловесных академических претензий». Спасибо тебе за все.

Видишь, зато как часто я тебе пишу. Теперь так: мне больше абсолютно ничего не нужно. Если что понадобится, я тебе, конечно же, напишу.

Донат, я тебе послал два письма со стишками. Как там? В конце этого письма прочти еще одно.

Когда получу отзыв твой, пришлю целую пачку с подробными комментариями, все понятные для тебя стишки я уже израсходовал.

Фотографий, Донат, у меня нет. Все они разосланы дамам.

* Здесь и далее в стихах С. Довлатова сохранена авторская пунктуация. — *Рег.*

Кстати, Ася работает. Ее точно восстанавливают в ЛГУ. Она пишет, что серьезно занимается. Если это так, то я с ужасом убеждаюсь, что во всем виноват я. Я тебе, кажется, уже писал, что последнее письмо ты можешь послать числа 20—21, лучше не позже этих чисел.

Что-то вот уж неделю нет писем от мамы. Я беспокоюсь.

Еще раз спасибо за пищевую посылку. Финики — великолепная закуска.

Пиши еще, пожалуйста, про Ксанку. Большой привет Люсе. Я ее очень уважаю. Скоро напишу еще.

Обнимаю всех

Сергей

* * *

ВЕСНА

Эти годы пройдут, но останется память,
Дым костра обернется сединой на висках,
К своему карабину морозом припаян
Я, солдат, часовой под шифрованной кличкой «весна».

Я — весна! Я — весна, я дыхание лопнувших почек,
Я весна, мне озябшие руки у рта не согреть,
Две недели провел я в мрачнейшей из одиночек
На посту номер сорок, на мигуньской горе.

Заезжал лейтенант, по морозу, в мундире нарядном
Обмотав над локтем алый, крови краснее лоскут,
Я докладывал хрипло: «На объекте — порядок»
Убирал ото рта и прикладывал руку к виску.

[На обороте еще одно:]

Меня тайга учила мужеству,
И чистоплотности любовь,
В бригаде у литовца Гужаса,
Скотинной делался любой.

Он был похож, тот рай беспаспортный
На наш законный, строгий, ад,
Он, как юродивый на паперти,
Был злоязык и глуповат.

Мы пили спирт зимой суровою,
И жарким летом пили спирт,
Отгородясь колючей проволокой,
На нас глядел преступный мир.

А мы глядели настороженно,
И привыкали к тем вещам,
И песни мрачные, острожные,
Затягивали по ночам.

〈Август 1962. Коми — Киев〉

Донатик!

Времени у меня в обрез. Спасибо за посылки. Все получил. Посылаю стишок.

МАРУФА

Прим: Маруфа — кличка знаменитого в Средней Азии рецидивиста. Убит недавно. В миру — т.е. на свободе (жаргон).

Не шути, Маруфа, с охрами
Нет в миру тебе не быть
Остановлен резким окриком
Метким выстрелом убит

Жизнь, Маруфа, даром прожита
В личном деле три листа,
Песня, хмурая, острожная,
Да могила без креста.

В Вожаели бабы охали:
«Башковитый был старик»
Не шути, Маруфа, с охрами
Впрочем, поздно говорить.

Только б мне хватило ярости
Уберечь себя от жалости.
Только б мне хватило мужества
Не жалеть тебя, не мучиться.

Донат! Всем привет. Жду писем.

Обнимаю. Сергей

〈Сентябрь 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой друг Донат!

Ты долго не получал моих писем оттого, что я, как дурак, писал тебе в Киев. Теперь все будет в порядке. Спасибо за вырезки из газет. Статья Рыльского, может быть, и хорошая, но меня обозлила невозможность понять стихотворные цитаты, написанные по-украински. Стихи О. хорошие, с сильным жеманством. Как поэт, как автор О. вдохновляется не самой жизнью, а жизнью уже воплощенной в искусстве. Его стихи очень, как бы это сказать, лабораторные. Мне, если на то пошло, Евтуш〈енко〉 больше нравится. У него есть сборник синего цвета. В толстом переплете. Там есть стих 〈отворение〉 «Женщина, выходящая из моря» (За точность названия не ручаюсь). Это превосходный стих, по-моему. Советую тебе прочесть прекрасную книгу Н. Акимова «О театре». В проблемы театральные я не вдавался, но написано здорово, почти как Маяковский. В конце очень остроумные «Записные книжки».

Послал тебе два стиха — «Контролер» и про любовь. Жду отзыва. Скоро пришлю тебе один стишок, про мрачные вещи, но очень оптимистический. Он всем очень нравится, хотя художественной ценности не представляет. Это стих 〈отворение〉 — тост. Скоро пошлю. Еще раз спасибо за посылку. Ничего мне больше долго не будет нужно. Донат! Хочу тебя попросить позвонить Асе и, может быть, помочь ей разобраться с поступлением на работу. Если сможешь. Она мне регулярно пишет неожиданные от нее теплые письма.

Донат, я вспомнил одну мысль из книги Акимова. Она в твоём вкусе: «Безвыходное положение это то, простой и ясный выход из которого нам не нравится».

Жду писем. Обнимаю. С. Д.

〈Сентябрь — октябрь 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат!

Чтоб загладить впечатление от предыдущего стихотворения, посылаю два стишка. Может быть, тебе будет затруднительно их читать, т.к. много специфических слов. Но, надеюсь, разберешься. Первое, про контролера¹.

Я — контролер, звучит не по-военному
Гражданская работа — контролер
Я в караулке дожидался сменного
И был я в караулке королем.

Топилась печь, часы на стенке тикали
Тепло в тридцатиградусный мороз
А ночь была в ту ночь такая тихая
А небо было белое от звезд.

Мы пили чай из самовара медного
А сменный мой чего-то все не шел
Мы дожидались три часа, а сменного
Убили бесконвойники ножом.

Я — контролер, гражданская профессия
Бухгалтер с пистолетом на боку
Порой бывает мне совсем не весело
И я уснуть подолгу не могу.

Теперь второе. Здесь, в Коми много тунядских поселений, где живут высланные из разных городов. Этот стих про одну такую личность.

Она ходила в туфлях тоненьких
По небороненной земле

Нам вслед глядели бесконвойники
И улыбались, глядя вслед.

Она ко мне на вышку лазила
Пожрать носила, что могла
А лейтенант прогнать приказывал
И я ее оттуда гнал

Она не требовала нежности
Она не требовала слов
Вот так живет средь всякой нечисти
Ну что с ней сделаешь! Любовь!

Донат, прошу тебя из второй строчки второго четверостишия не делать вывод, что, мол, я голодаю. Это поэтический вымысел. Донат, очень без вас соскучился. Смертельно хочется съездить в отпуск. Как это у нас делается, я писал Ане. С маминной помощью это возможно. Позвони Аньке, она тебе объяснит. Если поняла по моему письму. Жду писем. Обнимаю.

Сергея

¹ Контролера штрафного изолятора.

«Осень 1962. Коми — Ленинград»

Дорогой Донат!

Я беспокоюсь, получишь ли ты те письма, которые я послал в Киев, после твоего отъезда оттуда. В одном из них я посылаю тебе плохое стихотворение «Я солдат». Кстати, со стихами дело пошло труднее. Есть около десятка, и ни одно не могу закончить. Подождем.

В другом я спрашиваю, не может ли Соловьев что-нибудь помочь сделать, чтоб меня перевели поближе к центру. Если нет — то бог с ним. Не страшно.

Мне сейчас ничего не нужно. Получил от мамы деньги и поблагодарил в письме. Спасибо тебе тоже, а еще спасибо за положительные отзывы о стихах про Белояниса и «Танцы в клубе».

Теперь буду писать по Лен<инградскому> адресу.

Будь здоров и счастлив.

Привет Люсеньке и Ксюше.

С. Д.

«Осень 1962. Коми — Ленинград»

Дорогой Донат!

Посылаю тебе стишок «Ночные маневры», он тебе может понравиться. Это результат повышения требовательности и контроля, а также влияние твоего отзыва.

Если он тебе понравится, я буду зверски доволен. Донат, прошу тебя узнать заодно, как пишется: маневры или манёвры, т.к. здесь все говорят по-разному, я не могу узнать.

НОЧНЫЕ МАНЕВРЫ

Мы топтали ягоду-малину
На ночных маневрах в Вожаели
Бабы, как в войну за нас молились
Как в войну, солдат они жалели

Лейтенант был цыриком и трусом
Но вперед бежал не пригибаясь
И победа доставалась русским
И враги бесславно погибли

Холостые щелкали патроны
Холостые бухали гранаты
Эту ночь запомнил я подробно.
А наутро хмурые солдаты

Боевые получив патроны
За спину закинув карабины
Отправлялись на посты по тропам
А Фролова на посту... убили

Мы стояли молча у могилы
Нас не грели серые шинели
Бабы, как в войну за нас молились
Как в войну солдат они жалели.

Жду писем. Сергей

Мне даже не верится, что это я сам написал. Извини за нескромный восторг.

〈Осень 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат!

Большое спасибо за подробный и очень дружеский отзыв о стихах. Я почти со всем согласен, кроме мелочей. Но не буду этим загромождать письмо. Дело в том, что все, что здесь написано, *чистая правда*, ко всему, что написано, причастны люди, окружающие меня, и я сам. Для нас — это наша работа. Я скажу не хвастая, что стихи очень нравятся моим товарищам.

Раньше я тоже очень любил стихи и изредка писал, но только теперь я понимаю, насколько не о чем было мне писать. Теперь я не успеваю за материнством. И я понял, что стихи должны быть абсолютно простыми, иначе даже такие Гении, как Пастернак или Мандельштам, в конечном счете, остаются беспомощны и бесполезны, конечно, по сравнению с их даром и возможностями, а Слуцкий или Евтушенко становятся нужными и любимыми писателями, хотя Евтушенко рядом с Пастернаком, как Борис Брунов с Мейерхольдом.

Я пишу по 1-му стиху в два дня. Я понимаю, что это слишком много, но я довольно нагло решил смотреть вперед, и буду впоследствии (через 3 года) отбирать, переделывать и знакомить с теми, что получше, мирных штатских людей.

Но тем не менее я продолжаю мечтать о том, чтоб написать хорошую повесть, куда, впрочем, могут войти кое-какие стихи.

Как я уже писал, я с твоим мнением вполне согласен, но стишок «Как живете, полосатики?» всегда имеет у ребят успех. Дело в том, что все стихи рассчитаны на то, чтоб их читать вслух людям. Отсюда очень длинные строчки (ненавижу) и корявый ритм (при прочтении это незаметно). Читаю я плохо, монотонно, но членораздельно.

Ты обратил внимание на то, что о разных страшных вещах говорится спокойно и весело. Я рад, что ты это заметил. Это очень характерная для нас вещь. Стихи очень спасают меня, Донат. Я не знаю, что бы я делал без них. Посылаю тебе еще парочку. Это будет уже четвертая партия. Жду отзывов с громадным нетерпением. Очень прошу в Ленинграде из знакомых никому не рассказывать и не показывать стихов. Ладно?

ОХРА

Прим: охра — так называют жители наши войска.

Да мы же охра
Лежим в казарме
От смеха дохнем
Мы тоже армия

У нас есть некто
Без интеллекта
Он носит лычки
Как две кавычки

* * *

Мне часто снится асфальт под ливнем
Он стал рекою, в нем тонут звезды
Я вспоминаю дома и лифты
Я вспоминаю пока не поздно
Твой взгляд последний, мной непонятый
И воротник плаща приподнятый
Еще окурок у порога
И бесконечную мою дорогу.

Это плохое стихотворение.

* * *

И это плохое.

Посв. Наташе Гужас

За зеркалом, где пыль и паутина
Ты слезы прядешь
И ходики твои не уставая тикать
Волшебных снов разматывают пряжу

Печной уют и таракан домашний
Герань на окнах, скатерть с петушками
Ты мне казалась неприступной башней
Кривая хатка на второй Весляне.

Мещанский рай, владенье
кошки Мурки
Я в этих землях попугай залетный
О ком ты думаешь и чьи окурки
Белеют у крыльца в траве зеленой?

И днем и ночью, хорошо ли плохо...
Отстукивают ходики эпоху.

Извини, Донат, но это тоже плохое. Понимаешь, я забыл, какие стихи я посылал тебе, а какие нет, и поэтому я посылаю те, которые точно не посылал, то есть самые плохие.

* * *

МИГУНЬ

«Скорей бы в драку, а то комары закусали».
Это наша пословица.

Мигунь, Мигунь, опасный городишко
Пойдешь один — не соберешь костей
На танцы надо брать с собой кастет
Да острый нож совать за голенище

А я был храбр, мне было все равно
Меня за это уважала охра
Мне от рожденья было суждено
Не от ножа, а от любви подохнуть

Это просто кошмарное.

* * *

ЛЕНИНГРАДЦЫ В КОМИ

(Донат! Этот стишок вызывает рев у 20 процентов присутствующих. Это ленинградские ребята.)

И эту зиму перетерпим, охры
И будем драться
Мы с переулка Шкапина, мы с Охты
Мы — ленинградцы

Я помню воздух наших зим
И нашу сырость
И профиль твой, что так красив
И платяя вырез

Мы так и не научимся носить
Военной формы
Мы быстро отморозили носы
Отъели морды

Мне б только выбраться живым
Мне б только выжить
Мне б под ударом ножевым
Себя не выдать.

Донат. Последняя партия стишков — отбросы. Некоторые я вообще не посылаю, чтоб тебя не пугать. Но в общем надо повысить требовательность. Так и сделаем. Сейчас у меня в производстве один неплохой стишок про ночные тактические учения.

Привет Люсе и Ксанке. Скоро напишу письмо Ксанке лично, с картинками. Жду писем.

С. Довлатов

P.S. Насчет «предпоследней мысли». Последняя мысль у убитого человека всегда — «я умираю». Предпоследняя мысль — это, собственно, последняя живая мысль у человека. Но я, конечно, неясно это выразил.

Пойми, Донат. Я совершенно искренне говорю, что я не только не считаю себя поэтом, как, например, Мак¹, но даже не думаю, что это дело будет со мной всю жизнь. Просто сейчас стихи меня выручают, и еще они нравятся ребятам.

И вот еще что. Я ручаюсь за то, что даже в самых плохих моих стихах нет ни капли неправды, неискренности или неправдивых чувств. Если что-то тебе покажется жестоким — так мы имеем на это право. Если тебе не понравится,

что я что-нибудь ругаю («некто, без интеллекта», «лычки-кавычки» и т.д.), то не торопись судить. Подумай, может быть, я прав. Ведь правда в этих стихах проверена не одним мной, многими людьми, из Вологодской области, из Пскова, из Архангельска, в основном с 4-классным образованием.

С. Д.

¹ Лев Мак — штангист и поэт из Одессы, жил в это время в Ленинграде. Позже эмигрировал в США.

«Осень 1962. Коми — Ленинград»

Дорогой Донат!

На это письмо ты уже не успеешь ответить. Большое спасибо за все, особенно за подробные и доброжелательные отзывы. Это я о стихах. Это сейчас для меня довольно важно. В воскресенье 19-го я должен был читать вечер на стадионе, но политначальство отменило. Это досадно. Сейчас я стараюсь над будущей вещью, которая будет, очевидно, начинаться так:

Есть свое ремесло у республики каждой
Ты, узбек — хлопковод, ты, грузин, виноградарь
О! Республика Коми, зловецкий и страшный
О! Республика Коми — концлагерь

Тут в дорогах застрянешь, в болотах потонешь,
На ветру от мороза потеряешь рассудок
Ты, республика Коми — охранник и сторож
В числе остальных добродушных республик.

Мы солдаты в зеленом, похожи как мыши
Мы трава на бугре, обожженная зноем
Мы три года торчали, как в гнездах на вышках,
Люди! Я расскажу вам, чего это стоит.

Донат! Больше я некоторое время стихов посылать не буду. Но это не значит, что я не работаю. Читаю ежедневно. Ты пойми, иногда у меня нет времени думать об отдельных строчках, я при этом утешаю себя мыслью, что это все — заготовки. И, ты извини, то, что у тебя иногда вызывает естественные литературоведческие претензии (я за них страшно благодарен), ребятами принимается безо всяких.

Дальше. Донат! Мама, Аня и супруга часто пишут мне утешительные письма о том, что, мол, мы все тебя любим и понимаем, как тебе тяжело, ты, мол, среди нас жив и т.д. Я бы не хотел таких писем от тебя. Дело в том, что я доволен. Здесь, как никогда, я четко «ощущаю», «чувствую» себя. Мне трудно объяснить. Я постигаю здесь границы и пределы моих сил, знаю свою натуру, вижу пробелы и нехватки, могу точно определить, когда мне недостает мужества и храбрости. Меня очень радует, что среди очень простых людей, иногда кулачья или шпаны, я пользуюсь явным авторитетом.

Я правду говорю. Мне приходилось одним словом разрешать споры, грозящие бог знает чем. Иногда мне случалось быть очень беспомощным и смешным, но, кроме добродушной насмешки и совета, я ничего не слышал от этих людей. Я знаю, что это потому, что я стараюсь быть всегда искренним. Кстати сказать, это, кажется, главное.

Логика и закономерность есть во всякой вещи. Мол, жизнь наверняка должна была быть затронута чем-то вроде того, что сейчас происходит. Иначе быть не могло.

Теперь опять о стихах. Моя цель постараться установить пропорции преступления и законности, понять, где закон и правда, а где преступление и ложь. Кто в чем сильнее, кто кого сильнее. Я знаю, что это трудно, но я ведь только 2 месяца здесь. Посмотрим.

Донат! В одном из писем я спрашивал насчет закона о поступлении в ВУЗ после 2-х лет. Ты об этом ничего не пишешь. ???

Дальше. Мне пришло странное от тебя письмо. Не в конверте, а склеенное из бумаги, от 15-го августа. В нем ничего не было, только обложка. Что это значит?

Дальше. Получил ли ты стих «отворение» «Ночные маневры». Оно мне нравится. Жду отзыва. Дальнейшие стихи хуже гораздо.

Донат! Кончаю. Нет времени. Жди нового адреса. Обнимаю всех.

Сергей

Донат! Извини. Я писал пьяный маленько.

〈Осень 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат!

Вначале отвечу на вопросы. Я, Донат, действительно курю, но очень мало. Если говорить честно, то в среднем 6 шт〈ук〉 в день. Я курю, в основном, до и после какого-нибудь дела, в котором я волнуюсь. Тут сигареты есть. Ни в коем случае ничего больше посылать не надо, по меньшей мере в течение месяца. Все есть.

Донат, недавно мне случайно попало в руки короткое стихотворение〈орение〉 какого-то еврейского поэта. Я его считаю гениальным. Записываю его на память, но довольно точно:

Дом построить — нужна земля.
Хлеб посеять — нужна земля
Молодому — нужна земля
Похоронят — нужна земля

Ну а радуга нужна? Нужна
Как песня в пору безнадежности.
Она красива и нежна,
А что вся жизнь без красоты и нежности.

Донат, теперь про мои стихи. Ты, очевидно, заметил, что вначале, стиха четыре были лучше, чем все остальные, если не считать стиха про «ночные маневры». Дело в том, что у меня еще есть десяток стихов, которые я не могу послать, во-первых, по цензурным соображениям, во-вторых (это главное), не хочу тебя пугать и нагружать размышлениями.

Очевидно, некоторое время я не буду посылать стихов, я сочиняю длинную вещь, наполовину в прозе. Показывать стихи, пожалуй, никому не нужно, т.к. это все заготовки для длинной вещи.

У меня все в порядке. Можешь быть спокоен. Всем привет.

Сегодня я в последний раз пошлю стишок, впрочем, довольно плохой.

На это письмо ты успеешь ответить, если до 22 числа или до 23 даже пошлешь ответ авиа.

Всех обнимаю. С. Д.

* * *

Не будите меня, я устал!
Мне приснился во сне Ленинград.
Поздно вечером у моста
Отдыхает конвойный наряд

Я правдив, как слеза на снегу
И как песня острожная прост

Я хотел бы, но я не смогу
Выйти с вами сейчас на мороз

Поздно вечером у моста
Перекуривал молча конвой
«Не будите его, он устал
Не тревожьте его, он — живой».

Пиши.

Обнимаю и пр. и пр.

С. Д.

〈Осень 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат,

я хочу поделиться с тобой величайшим удивлением по поводу того, что написала мне Мара про стихи¹. Я сразу заметил, что ты не одобряешь мое желание показать их ей. Но я лишь теперь понял, что моя тетка поразительный случай полнейшей некомпетентности в своей основной профессии.

Ты не подумай, что она изругала стихи. Нет. Да я бы ни в коем случае не обиделся, если б это случилось. Валерий Грубин когда-то сказал, что, все мною написанное, нужно как можно скорее сжечь.

Во-первых, она пишет про «Ночные маневры», что почему я назвал трусом лейтенанта, который «бежит не пригибаясь». Что она, дурочка, что ли? Затем она советует переделать стих так, чтоб убили этого самого лейтенанта. Но лейтенанта не могут убить, т.к. он на службу не ходит, а потом, это же сразу получится дешевый военный рассказ периода 50-х годов, не говоря уж о том, что убитый — это знакомый мне человек.

Она спрашивает, что такое «живые синеглазые мишени», как можно «бояться пристального взгляда», что такое «волнение рыбака» и т.д. Все ее недоумения трудно перечислить. В заключение Мара пишет, что у меня нелады с рифмой, а ведь это, пожалуй, единственное, что мне без труда дается. Маре ничего о моем письме не говори, но я очень удивился. Как она отважилась вести молодежное литобъединение?

Привет.

Сереза

¹ Мара—Маргарита Степановна Довлатова, тетка Сергея, героиня одного из рассказов сборника «Наши». В те годы она работала старшим редактором издательства «Молодая гвардия» и была одним из руководителей молодежного литобъединения, созданного после войны при Ленинградском Союзе писателей.

〈Осень 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат!

Получил твое замечательное письмо с изложением теории любовной интриги. Между прочим, ты не сердись, это письмо пошло по рукам и ребята выписывают оттуда куски в качестве афоризмов. Вот так.

У меня все по-прежнему. Посылаю тебе два стихика. Один (первый) я уже посылал тебе, но ты его, по всей видимости, не получил, так что посылаю вторично, кстати, отредактировав. Второй стих странный. Я сам его плохо понимаю. Но осмелюсь послать. Вот и все пока.

Привет.

Сереза

Говорят, что если сигарета гаснет,
Кто-то вспоминает непременно,
Если б было в жизни все так ясно,
Я б во всем доверился приметам.

Я бы снам поверил и ромашкам,
Всяческим гадалкам и кукушкам,
Я бы правду знал о самом важном
И о самом нужном.

«Я в эту ночь расставляю часовыми»
«Офицерские жены»

Ты, знаешь, Донат, я думаю, что тебе будет интересно знать, что я видел в зоне строгого режима во время обыска портреты Есенина и П. Васильева. А из артистов часто встречается Черкасов. У меня ничего нового. Вот, например, плохой стишок:

Светлане

Ты солгала мне, — я спокоен,
Я очень хитрым стал с тобою
Я стал придирчивым и строгим

К тебе, как к вычеркнутым строкам
И получил покой в награду.
А если ты сказала правду?..

Донат! А это стихотворение иного рода. Ты только пойми его правильно, здесь не про то, чтоб кругом крали и чтобы не ловили жуликов, оно против травли, например газетной и т.д. ... вообще.

— Держите вора! — нет ужасней крика.
А вор бежал так медленно и криво.
Он впереди не видел ни черта.
Лишь чувствовал, как улица крута.

Бросали люди теплые постели,
И магазины шумные пустыли,
Мамаши забывали про детей
И крик тот становился все лютей.

— Держите вора!! Эй! Держите вора! —
Затарактев, проехал «черный ворон».
А вор бежал все тише. Он устал.
И чувствовал как улица узка.

Я молча сторонюсь подобных зрелищ.
Двадцатый век, как ты легко звереешь.

И бешеный кидаешься в погоню.
Спокойнее, век атома, спокойнее!

Донат! И еще вот что: я твердо решил, что ты стихи никому не показываешь. Месяцев через восемь я приеду в отпуск и сам распоряджусь.
Привет Люсе и Ксюше.

Сережа

〈Осень 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат!

Мне кажется, что ты здорово захворал. Но ты не грусти, у меня тоже очень плохое настроение. У меня все как прежде. Вот уже месяц не могу написать одно стихотворение. Сюжет его такой: идет парад на Красной площади. Двигутся мощные спокойные ракеты, всякая военная техника в стройном порядке. На трибунах люди рады и видят, как сильна наша страна. И вдруг, черт знает откуда, появляется солдат-вохровец. Один. Не по форме одетый, пьяный, с автоматом, повешенным на шею. Шагает не в ногу сам с собой. И тогда стихают трибуны и люди понимают, что не все у нас в порядке, и пугаются. Никак я не могу его написать как следует.

Еще хочу написать одно стихотворение по заказу ребят. Но знаю пока одну строчку, вернее две:

Тайга, тайга, я знал тебя иной,
Ты мне казалась мужественней, проще.

Я очень жду твоих отзывов на стихи: «Держите вора» и «Я в эту ночь...». Но вообще стихи мне надоели. После каждого я начинаю думать, что больше ни одного мне не написать.

Как Ксюша и Люся?

Всем привет.

С. Д.

〈Осень 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат, извини, что я несколько дней не писал, у меня все в полном порядке, только времени мало. У меня к тебе такая просьба, даже две.

1. Если ты будешь посылать посылку к Новому году, или вообще, то всунь туда зубную щетку. У меня вся она оплешивела, а здесь их нет.

2. С разводом я по-прежнему согласен, я только не хочу, чтоб какие бы то ни было приготовления велись без Асиного ведома. Мне кажется, это некрасиво.

Я ей написал об этом, а когда будут ясны конкретные вещи, то ты с ней поговори.

Посылаю два стихотворения.

Большой привет Люсе и Ксюше.

Позвони маме. Скажи, что все в порядке. Спасибо.

С. Д.

Я вспоминаю о прошедшем
Детали в памяти храня:
Не только я влюблялся в женщин
Влюблялись все же и в меня.

Получше были, и похуже
Терялись в сутолоке дней
Но чем-то все они похожи
Неравнодушные ко мне.

Однажды я валялся в поле
Травинку кислую жуя
И, наконец, представьте, понял
Что сходство между ними — я.

Я — их упреки, и обиды,
Воднения по пустякам

Я — ненависть к спиртным напиткам
Я — уважение к стихам

Им, как и мне, не нужен в жизни
Так называемый уют
Смешные, знаете ли, мысли
Порой покоя не дают.

* * *

«Стоит тайга, безмолвие храня
Неведомая, дикая, седая»

*Не помню автора
(из молодых)*

Тайгу я представлял себе иной
Простой, суровой, мужественной, ясной
Здесь оказалось муторно и грязно
И тесно, как на Лиговке, в пивной.

«Стоит тайга, безмолвие храня
Неведомая, дикая, седая»
Вареную собаку доедают
«Законники», рассевшись у огня.

Читавший раньше Гегеля и Канта
Я зверем становлюсь день ото дня
Не зря интеллигентного меня
Четырежды проигрывали в карты.

Но почему тогда глаза смущенно прячу
Когда я песни ваши слушаю и плачу.

«Законники» — это воры «в законе», профессионалы и философы воровства. Сидят на ослабленном пайке, т.к. не работают принципиально.

〈Осень 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат!

У меня по-прежнему все в порядке. Моё положение заведующего батальонной библиотекой — это лучшее, что можно найти в армии. Кроме того, мне дали портативную пишущую машинку «Москва». Очевидно, вскоре буду сдавать экстерном на III шоферский класс.

Единственное, что меня очень досаждает, это Асины неприятности. Меня это ужасно огорчает.

Здесь, в Чинья-Ворыке, есть очень занятный человек — Виктор Додулат. Он прекрасно играет на гитаре и сам сочиняет песни, очень веселые и простые. Сам он из Перми, образования классов 6 у него. Кроме песен он пишет стихи, полупохабные и дурашливые, но, по-моему, талантливые. Одну его песню здесь распевают все. Она называется «Я не без шухера ушел».

Если Окуджава занимается тем, что передает, трансформирует для людей изысканного круга чувства простых людей, то Додулат как раз и есть простой человек, и поэтому в его песенках совсем нет кокетства.

Мы с ним однажды читали долго друг другу, и ему, вроде бы, понравилось. Я ему сказал, что его стихи и песни слишком беспечные и в них мало его труда. Он немедленно согласился и сказал:

А стихи я творю по-простому,
Тут премудростей нет никаких,
Скажем, слово приставил к другому,
Получился, как видите, стих.

Тогда я ему посвятил такое стихотворение.

Поэзия — это такая морока,
Что лучше не братья, но если увяз,
Пусть будет тяжелым твой стих, как дорога,
И страшным, как бабы, забывшие нас.

Пусть песня твоя будет резкой, как окрик,
И твердой, как мерная поступь солдат.
Писать надо так, чтоб запомнила ВОХРА,
Что жил на земле рядовой Додулат.

Жду твоих писем. Как тебе понравилось ст<ихотворение> «Солдатские письма»? Обнимаю.

Довлатов

<Октябрь 1962. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат, дело в том, что я сам не твердо знаю, какие мои стишки напечатаны, т.к. я — балда, посылал штуки по три, а напечатали, судя по денежкам, по одному. Но, приблизительно, ты прав. Из неизвестных тебе послал только одно, мерзкое, про стилиг.

Завтра утром я еду на Весляну лечить зуб, обрадуй мамичу.

Светлана неожиданно оказалась чистокровной коми. Но это не страшно, а даже забавно¹.

Из боязни быть назойливым занудой, а также, помня, как на протяжении нескольких лет я изнурял окружающих своей амурной непоследовательностью, я не стану писать, какой она ошеломляюще нормальный человек. Она болела, теперь поправляется, но сидит еще дома. Между прочим, ее отец тоже хорошо готовит.

Стихов я писать не буду до тех пор, пока не напишу одного трудного стихотворения про карусель. Делаю огромные усилия, чтоб не рифмовать: карусель-карасей, т.к. стих «глубоко философский», и хочется, чтоб рифмы не перли в глаза.

Будь здоров, Донат, ты уже, очевидно, почувствовал по тону письмаца, что у меня настроение бодрое.

Всем поклоны.

Сергея

¹ Речь идет о Светлане Меньшиковой. В период знакомства с С. Д. она жила в Сыктывкаре и училась там в Пединституте.

<Осень 1962. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат!

За 21 октября в центр<альной> правде напечатаны стихи Е. про Сталина. Стихи редкой мерзостности. Это даже странно.

Дальше. По поводу стишка, который тебе не понравился, «Все исчезло давно и т.д.». Ты, очевидно, не понял, что это стишок насмешливый и иронический по отношению к самому себе. Мой товарищ Додулат придумал к нему музыку и поет эту песенку нарочно очень заунывно. Получается ничего.

Но меня больше интересует, что ты скажешь про след<ующее> стихотв<орение> «Он был веселый, мирный лабух». Это про Додулата.

Донат, еще такое дело. Я обращался к врачу с ногой, и он сказал, что мне здесь могут сделать операцию и даже, очевидно, дадут после этого отпуск. Дней на десять. Но могут и не дать.

Прошу тебя, узнай, пожалуйста, у кого-нибудь из врачей, стоит ли мне делать эту операцию здесь, или нет.

У меня ничего нового.

Жду писем.

Сергея

<Осень 1962. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат!

Сегодня у меня много времени и я напишу тебе длинейшее письмо.

Я очень благодарен тебе за то, что ты пишешь мне почти каждый день. Это меня очень поддерживает. Я ейчас переписываюсь только с тобой, с мамой, с Лялей и Ксюшей¹. Перестал писать Валерию и Славе Веселову. И тот и другой писали мне всякую ерунду, про то, что они мне завидуют. Им, вероятно, наша

жизнь в тайге кажется цепью приятных и нетрудных подвигов, что мы — этикие суровые сибиряки, мужественные и простые. На самом же деле геройство, к сожалению, связано с разными малоприятными вещами, с испугом, например, и быстро надоедает. Я здесь встречал нескольких очень храбрых и сильных людей, но и им муторно. Одно только радует, что время быстро летит.

И еще, конечно, выручают стихи. Я уже, кажется, писал тебе, что не рассчитываю стать настоящим писателем, потому что слишком велика разница между имеющимися образцами и тем, что я могу накатать. Но я хочу усердием и кропотливым трудом добиться того, чтоб за мои стихи и рассказы платили деньги, необходимые на покушку колбасы и перцовки.

А потом, я не согласен с тем, что инженер, например, может быть всякий, а писатель — непременно — Лев Толстой. Можно написать не слишком много и не слишком гениально, но о важных вещах и с толком.

Мне, пока что, никаким другим делом не хочется заниматься. Года через три я попробую написать повесть. Жаль только, что я несколько лет не писал стихов, я бы сейчас писал лучше. Даются они мне большим трудом. Сегодня, например, целый день сочинял стих со смыслом и хорошими, странноватыми рифмами (заведует-завидует, похожи-похуже), и так и не получилось ни черта.

Донат, кроме тех стихов, что я тебе посылаю, есть еще десятка два песенок на музыку Додулата. Они все похожи одна на другую и худ «ожественной» ценности не представляют. Приблизительно такие:

А нам плевать на высшее начальство
Привыкли мы ничем не дорожить
Давай споем, товарищ по несчастью
Вполголоса споем про нашу жизнь.

и т.д.

или:

От Витью до Вожаели
Мы патронов не жалели
Знает нас
Здесь каждый и любой
И повсюду под гитару
Мы с Довлатовым на пару
От Витью до Вожаели
Пели про любовь

и т.д.

или:

Но я не собираюсь умирать
Еще так мало выпито и съето
У нас в пределах зоны
Царят свои законы
И мы хотим напомнить вам про это.

и т.д.

Додулат — личность презанятная. В нем есть эдакая утесовская пошлянка. Но он очень забавно разговаривает, не слишком умно, но непрерывно. Например, он говорил про одного майора, что у того «денег — курвы не клюют».

Про меня сказал, что я настолько высокий, что мне, чтоб побриться, надо влезть на табурет. Про худенькую Светлану сказал: «Не все то золото, что без тить». Я однажды был сонный на инструктаже, а Додулат потом утверждал, что я заснул во время своего собственного выступления. Он недавно сидел на кичке. Она находится рядом с кабинетом лейтенанта Найденова. И Додулат целый день распевал там рок-н-ролл с таким припевом:

Найденев — буги, Найденев — рок
Найденев в зоне тянет срок и т.д.

Нас с ним знают на подкомандировках, даже там, где мы не пели и не читали. Из-за того, что у нас схожие фамилии, нас знают как одно лицо — Додулатов.

Дальше. За тельняшку спасибо. Я зверски обрадовался, т.к. мне не чужд мелкий пижонтизм, а в тельняшке есть пиратский колорит. Когда я получил посылку, то немедля на морозе разделся догола и напялил ее. Шпиг — восторг! В общем большое спасибо.

Сдавать на шоферский класс запретили в штабе части.

Машинку отобрал все тот же лейтенант Найденев.

Маме я пишу очень часто. Втрое чаще, чем она мне. Мне кажется, что мои письма должны ее успокаивать. Мама пишет мне толстые, уморительно смешные письма, и я без нее скучаю.

Сегодня говорили со Светланой по телефону. Было плохо слышно. Она кричала: «Что тебе прислать, Центнер? (она меня зовет Центнер) Что прислать? Ну скажи первое, что придет в голову». Я сказал: «Фотографию». Если она пришлет, то я смогу одну лишнюю послать тебе.

Кстати, Донат, ты можешь позвонить мне. Отсюда заказать разг<овор> с Ленинградом нельзя, а из Л<енингра>да можно. Нужно звонить от 10 утра до 3. Сперва заказать разговор, а потом послать телеграмму с вызовом для разговора. Позвони мне поближе к Новому году. Это не должно обойтись очень дорого, думаю, рубля полтора, вместе с телеграммой.

Достать портрет Васильева легально нельзя. Это квалифицируется как связь с заключенными. Здесь начальство не очень следит за развитием литературы и все, что в зоне, считается контрой. Ты лучше достань книгу его стихов. В ней есть хороший портрет². Когда увидимся, я расскажу тебе много интересного.

Сереза

¹ Светлану в письмах С.Д. иногда называет Лялей.

² В одном из предыдущих писем упоминался портрет Павла Васильева. Д. Мечик в молодости был знаком с поэтом. С этим, по всей видимости, связан разговор о портрете.

«Осень 1962. Коми — Ленинград»

Дорогой Донат, я посылаю тебе стихотворение, которое мне самому очень не нравится. Но я постепенно напишу серьезное стихотворение вот о чем: дело в том, что у нас печатается очень много «таежных стихов», о романтике, о искоженных тропах и т.д. Эти стихи пишут молодые люди, которые пробыли в тайге ровно столько времени, сколько нужно для того, чтоб носить бороду и не считаться стилигой, а считаться путешественником и романтиком. Я хочу постепенно написать, какая тайга на самом деле. Но первое стихотворение, направленное против «романтики», кажется, не вышло.

С. Д.

* * *

Верстах в пяти, примерно от Ухты
Набрел я на ступени эти шаткие
Но я солдат и надо бы уйти
А женщины в тайге бессовестные, жадные

Я грел ладони, сидя у огня
Смешные ходики на стенке тикали
И женщина глядела на меня
А женщины в тайге беспомощные, тихие

Была тревожна тень на потолке
И был закат печальный и торжественный
И лишь под утро на моей руке
Заснула эта горестная женщина

Теперь всегда я вижу впереди
Через тайгу по бездорожью шествуя
Затопленную печь в конце пути
И руки теплые и ласковые женские.

«Осень 1962. Коми — Ленинград»

Дорогой Донат!

Виктор Додулат сочинил веселую музыку и попросил меня сочинить слова. Я это сделал.

Ты, конечно, знаешь, что во всех учебниках убийцу Пушкина Дантеса изображают очень плохим человеком. Я за него заступился. Песенка вышла дурацкая. Но всем нравится.

Дантес фон Геккерен
Конечно был подонком
Тогда на кой же хрен
Известен он потомкам

Французик молодой
Был просто очарован
Пикантной полнотой
Натаальи Гончаровой

Он с ней плясал кадрили
Купался в волнах вальса
А Пушкин, тот хандрил
Поскольку волновался.

Поэту надоед
Прилипчивый повеса

Он вызвал на дуэль
Несчастливого Дантеса

А тот и не читал
Его стихотворений
Не знал он ни черта
Про то, что Пушкин — гений

Поэт стрелял второй
Пошла Дантесу пруха
Уступал мой герой
Ревнивого супруга

Откуда мог он знать
Что дураки и дуры
Когда-то будут звать
Его врагом культуры.

Донатик! Пожалуйста, не считай, что это абсолютная белиберда. Я хотел туда вложить смысл, пусть озорной, но все же разумный.

Сергей

<Осень 1962. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат!

Очевидно, в одном из писем тебе я случайно отослал короткое письмо Асе. Ты ей его передай. У меня все в порядке. Служу сейчас дежурным по штабу, по ночам. Все в порядке. Понравились ли тебе стихи: «Держите вора!» и «Я в эту ночь расставляю часовыми»?

Газетка «Молодежь Севера» скандалит со мной из-за того, что я пишу грустные стихи, но я на них плевал. Все равно они, какашки, денег не платят. Плохо, что ты болеешь, Донат. Очень скверно. Я, извини меня, вполне здоров. Однажды послал тебе омерзительное стихотворение «Разговор с конкурентом». Ты его порви и выбрось, чтоб не воняло. А «полупустое кафе» я куда-нибудь всобачу. Написал я четыре рассказа. До этого несколько раз начинал повесть, да все рвал. Еще рано.

Ничего нового, Донат.

Пиши. Позвони, пожалуйста, маме, передай ей поклон, скажи, что все в порядке.

Сергея

P.S. Привет Людмиле Ивановне и Ксюше. Получила ли она мое письмо?

С. Д.

24 ноября <1962. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат! Я получил твое письмо, где ты пообещал разобраться в стихах про Дантеса и «Немало есть дорог». Но отзыва на эти стихи еще не получил. Жду. За Ксюшину карточку спасибо. В ближайшие два дня напишу ей.

В течение трех дней я не писал тебе по той неприятной причине, что сидел на гауптвахте за избивание ротного писаря. Не побить его я не мог, и начальство понимало, что я прав, но для порядку намотали мне двое суток. Сидеть было весело, т.к., узнав об этом, Додулат немедленно нагрубил командирова взвода, нагрубил умышленно, и его посадили ко мне. Он всю ночь мучил меня философскими вопросами вроде того, что, может ли человек помнить момент своего рождения. Он уверяет, что помнит. Мы сочинили с ним одно стихотворение (в конце письма) и песню (художественной ценности не представляет).

Вся рота относится ко мне великолепно, все время просовывали мне под дверь папиросы и печенье, т.к. на «кичке» скверно кормят и нельзя курить. Они устраивали демонстрацию у моих дверей, и я был капельку Манолисом Глезосом. При этом они распевали песню нашу с Додулатом:

Мои друзья давно сидят на «кичке»
Их выпускают только лишь в сортир
Мои враги давно таскают лычки
И каждый хер над нами командир

и т.д.

Не сердись на меня и не пиши длинных отповедей, я все сам понимаю.

Стихотворение я написал о том же, о чем был стих «разговор с командиром». Но я сделал над собой волевое усилие и заставил себя написать в другом ритме и иначе. Оно, по-моему, стало лучше. Это из стихов, посланных Светлане. Я хотел в нем затронуть тему благородной ревности. Светлана пишет часто, все стихи помещает в стенной газете пединститута и, кажется, даже мной гордится чуть-чуть.

Совершенно неожиданно выяснилось, что она хорошо рисует, я раньше никогда не встречал женщин, которые бы рисовали.

Большой привет Люсе.

Будь здоров, не кури, плохо питайся (творогом, простоквашей), выздоравливай, три года готовь организм к грандиозной пьянке по случаю моего приезда.

Серезжа

* * *

ТВОИ ПИСЬМА

Светлане

Я в этих письмах каждой
 строчке верю,
Но все же часто думаю о том,
Кто для тебя распахивает двери
И подает на вешалке пальто

Он ходит где-то рядом, он спокоен,
Стихов тебе не пишет, не грустит,
Заговорит когда-нибудь с тобою,
И яблоком случайно угостит.

В трамвае переполненном однажды
Уступит место, ты кивнешь в ответ,
Он умный, он особенный, он каждый
Кто мимо шел и обернулся вслед.

От этих писем я теперь завишу,
Я верю им, мне некого винить
Но так боюсь всего, о чем
 не пишешь
О чем сама не знаешь, может быть.

С. Д.

26 ноября <1962. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат!

Я получил за эти два дня семь твоих писем. Книжечку тоже получил. У меня все в порядке. Я сейчас в конвое. Вторая тельняшка мне пока не нужна. Спасибо. Асидол тоже не нужен. У меня есть асидол. Вот так. Спасибо за стихотворение про птицу какаду. Оно мне нравится. Получил все твои отзывы о стихах, кроме последних:

1. «Я знаю, что лихие мастаки...»
2. «Я этим письмам в каждой строчке верю...»
3. «Жабин был из кулачья...»
4. «Я помню все это прекрасно...»
5. «Мне аплодировали охры...»

Из них только второе заслуживает внимания. Читал в «Огоньке» несколько стихов Рождественского. Мне кажется, что я их уже где-то читал, но тогда они были лучше. Такое ощущение.

Посылаю тебе еще два. Первое — очень старомодное и напыщенное. Я таких больше не буду писать. Их очень тяжело сочинять, а когда готово и много затратил сил, то оказывается, что вышло скверно. Я его посылаю для контраста со вторым. Второе я написал под влиянием пошлого творчества Додулата, поэтому и помещаю перед ним несколько строчек из его песен, чтоб было ясно, откуда у меня такая тенденция, так сказать. Во втором есть слегка НЭПовский дух, но это специально, я старался не переборщить.

Будь здоров, хворай в меру.

Серезжа

РАВНОДУШИЕ

Да, можно скрыть и ненависть и нежность
И зависть черную и даже тяжкий гнев,
Но равнодушие всегда заметно мне,
И скрыть его попытки безуспешны.

Когда ты исчезаешь зыбкой тенью,
Когда стихает легких платьев шум,
Я мести, словно милости прошу,
И ненависти жду, как снисхожденья.

* * *

ДАМСКОЕ ТАНГО

Куда ж вы смотрите безжалостные женщины
Не дайте малолетнему пропасть

(Догулат)

Не наливайте мне вина в стаканы синие
Не заводите мне охрипший патефон

(Догулат)

Т. Лавриковой

Я умею танцевать танго
И танцую я его ловко
Только зря ты все глядишь, Таня
Ты уж лучше пригласи Левку
Вы по-моему вполне пара,
Он ведь парень боевой с Охты,
Ты, Танюша, пожалей парня,
Он давно уж по тебе сохнет,
Ты красивее других, тоньше,
И глаза твои синей моря,

Ты танцуешь, будто ты тонешь,
Будто ты себя спасти молишь,
Танцевали мы с тобой часто,
Я хочу тебе сказать честно,
Я же чувствую, что ты, чья-то,
Но, послушай, ведь и я чей-то,
Есть у каждого из нас тайна.
Патефон давно охрип, шелчет.
Лучше вальса подождем Таня
Мне его не танцевать легче.

P.S. Донат, это в общем недурное стихотворение было написано от начала до конца в нетрезвом виде.

Жду писем.

Сергея

〈Декабрь 1962. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат,

я сожалею о том, что вас так встревожило мое пятидневное молчание. Времени, действительно, не хватает, потому у нас иногда нет света по вечерам, во всяком случае, не относи этот перерыв в письмах за счет наглого подозрения, что вы недостаточно обо мне заботитесь.

Стихи пишутся очень трудно. Хочу написать суровое стихотворение, но придумал пока только две строчки:

А как мы разошлись в тайге в глухую полночь
Не поделив последней папиросы. Помнишь?

Сочинили мы с неутомимым Додулатом (который завтра точно уже уезжает, и фотографию нашу с ним посылаю тебе), сочинили мы «песенку о счастье», на которую все никак не нарадуемся. Но я знаю, что она тебе не понравится. А зря.

Светлана пишет, но не каждый день, т.к. у нее экзамены. Я думаю, что если она все три года меня не оставит, то я ее привезу в Ленинград.

Донат, прости, что я тебе надоедаю, но у нас снова пронесся слух, на этот раз о том, что готовится указ о том, что служба в армии сократится до 2 лет. Если сможешь, узнай. Но не спеши.

Получил ли ты мое письмо, где я рассказывал о моем талантливом товарище В. Корягине, который нас очень развлекает разными артистическими штуками? Я ему советую ехать в Ленинград в театральный институт.

Жду твоих писем. Всем привет.

P.S. Подозреваю, что мама специально не отдает «свидетельство о браке», чтоб Ася не захватила вероломно нашей фамилии. Хочу сказать, что я сделаю все для того, чтоб Ася не чувствовала никакой обиды на маму или на тебя, и на меня тоже. Это не «реставрация отношений», а попытка вести себя по-джентльменски.

Я Асе написал письмо (короткое) о разводе, она не ответила. Больше писать не буду, но обязательно пошлю новогоднюю открытку.

Мы все о разводе выясним сперва, а потом уже, переговорив с Асей, начнем действия.

Крепко всех обнимаю.

Сергея

⟨Декабрь 1962. Коми — Ленинград⟩

Донат, прошу тебя позвонить маме и сказать ей, что перерыв и сухость последних писем вызваны тем, что Светлана, занятая экзаменами, стала реже писать. Это не совсем правда, но мама, зная мой бабий характер, поверит и лучше успокоится.

Понимаешь, наступила зима, темнеет в три часа, от этого мрачное настроение, тем более, что электричество у нас часто портится.

С. Довлатов

P.S. Еще передай маме, что справку могу взять не раньше нового года (о том, что я — солдат).

* * *

ПЕСЕНКА О СЧАСТЬЕ

Я приду со службы, сапоги разую,
Положу бумаги лист перед собой
— Не мешай мне Ванька, видишь я рисую
Домик кривобокий с красною трубой

Мимо протекает голубая речка
Как свинячий хвостик вьется дым кольцом,
Серая лошадка, желтая овечка,
Рыженькое солнце со смешным лицом

Ты конечно скажешь, это, мол, мещанство
Жить в подобном мире тесно, как в гробу
Не мешай мне Ванька, я рисую счастье
Домик кривобокий, красную трубу,

Мимо протекает голубая речка
как свинячий хвостик и т.д.

Если на закате, или утром ранним
Я раскинув руки упаду в траву
Ты картинку эту, отошли Светлане,
Домик кривобокий, красную трубу

Мимо протекает и т.д.

⟨Январь 1963. Коми — Ленинград⟩

Дорогой Донат,

1. Что это ты выдумал про госпиталь, ничего подобного.
 2. Денег у меня больше, чем достаточно. То есть они у меня всегда есть. Так что не беспокойся.
 3. Большое спасибо за бусы и все остальное. Я напишу ⟨Светлане⟩, что это ты сделал. Ладно?
 4. Стихи чего-то не пишутся. Я хотел сочинить хороший стих про убийцу, который строил дом, чтоб в этом стихе, несмотря на сухой тон, слышался гимн труду, но стишок куцый.
- Сейчас у меня не очень-то много времени, скоро напишу.

С. Д.

* * *

Убийца строил дом,
Работал он на совесть,
Без перекуров, то есть,
Без выходных притом.

Он топором стучал,
Работал на морозе,
И даже ватник сбросил,
А я сидел, скучал

С восьми до четырех
Я мерз в тулупе теплом

И валенками топал
Преступника стерег.

Короче говоря,
Построил дом убийца
Причем, довольно быстро
К седьмому ноября

Он оглядел работу,
Не вытирая пота,
В бревно вогнал топор,
И улыбнулся, черт.

⟨Зима 1962—63. Коми — Ленинград⟩

Дорогой Донат!

У меня по-прежнему все в порядке. Со стихами происходит такая вещь: я понял, что стихи сочиняются двумя способами. 1. Это когда поэтическая мысль идет вслед за словом, т.е. вслед за удачной рифмой, за звучной строкой, за ритмически удавшимся моментом. Такие стихи обычно беднее мыслью, но написаны художественней и производят лучшее впечатление. Основной тезис в защиту такого рода стихов, это — «каждая художественно изображенная вещь, предмет уже несет в себе поэтическую мысль», т.е., например, удачными словами описанный самовар может в стихе стать символом, скажем, мещанской жизни или создать изображение русской старины. Мне кажется, что большинство стихов пишутся так. У меня, во всяком случае.

Но бывает, что вначале складывается в голове рациональная мысль, например, помнишь я тебе писал, что хочу сочинить стишок про военный парад и про пьяного вохровца на параде. Мне это, кстати, так и не удалось. Такие стихи неизмеримо трудно рифмовать. А когда даже зарифмовал, то они выглядят бледно и мало кому нравятся. У меня в голове есть около двадцати четверостиший — заготовок для трех стихотворений такого рода.

Их три. Одно про карусель. Другое про то, что нам, взрослым, нужно учиться у детей, у мальчишек серьезности и принципиальности. Третье про любовь. (Лень описывать подробнее.)

Стихотворение про мальчишек кончается словами:

... не бояться тех, кто выше ростом,
И домой являться в синяках.
Пацаны! Воспитывайте взрослых
Ведь и мы мужчины, как-никак.

А в середине там такие строчки:

Знаю я и вы со мной не спорьте
Так бывает всюду и везде
Тот, кто подлецу не дал по морде,
Бросит друга запросто в беде.

Цитирую я, во-первых, для того, чтоб доказать, что стихи были почти готовы и я от них все-таки отказался, а во-вторых, я хочу показать, как беднеет мысль

оттого, что, рифмуя, укорачивая, всобачивая ее в стих, она меняется. Придуманно было: «Тот, кто не убил врага, тот продаст друга», а написалось вон как хуже. Я сегодня не располагаю машинкой, а завтра отпечатаю тебе эти три стиха без рифм. Так, кажется, пишут на западе, и еще Хикмет. Может, в таком виде они будут получше. Их будет три штуки: карусель, любовь и про мальчишек.

Еще у меня есть незаконченное стихотворение «Писарь» и еще две разрозненные строчки, например: «Кинозвезда белье стирала», что дальше, я не знаю, и еще «Евреи в Коми нетипичные», тоже не знаю, что дальше, еще есть начало «Гимна конвойного взвода»:

Мы — конвойная охрана
«Шаромыги», «мусора»,
Нет. Рабочая окраина,
Околица села.

Еще есть строчка: «Мое местожительство — Север», тоже дальше ума не приложу, чего там. Во всяком случае через два-три дня на тебя посыплются штуки 3 стиха.

Большой привет Люсе, Ксюше и моей маме. Не болей, Донат.

У меня все хорошо.

Сергея

〈Зима 1962—63. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донатец!

Большое спасибо за три длинных письма, за внимание к Светлане и к стихам. Светлана сдает экзамены. Вчера она получила 5 по какой-то хим. технологии. У нее все в порядке. У меня тоже. Посылаю тебе бедное стихотворение. Я его очень презирал за скудость рифм, но потом получил от Светланы похвальный отзыв. А я ее мнение считаю «голосом народных масс». Потому и посылаю его тебе. Вернее, это песенка. На довольно известный блатной мотив — «Ты не пришла провожать». У меня есть мысль на досуге сочинять слова на популярные лагерные мелодии. Но очень может быть, что это глупо.

Привет твоей семье. Позвони, пожалуйста, маме, мол, все в порядке.

* * *

На гитаре играет солдат
Заклученные рядом сидят

Но кончается песня и вот
Заклученный гитару берет.

А солдат, положив карабин
Им тихонько поет о любви

Он поет о далекой стране
Той, что снится по-прежнему мне

Он поет о далекой стране
Той, что часто им снится во сне

И о девичьих гордых слезах
И о маминых горьких глазах

И о девичьих гордых глазах
И о маминых горьких слезах

Он поет нам тихонько о том
Как чернеет асфальт под дождем

Он поет им тихонько о том
Как чернеет асфальт под дождем

И о том, как один раз в году
Осыпаются листья в саду

И о том, как один раз в году
Осыпаются листья в саду

Хмуро слушает песню солдат
Заклученные молча сидят

Он уже не солдат, он — судьба
И в руках у него их судьба

Наш костер догорел и погас
Вот и весь мой короткий рассказ

〈Январь 1963. Коми — Ленинград〉

Дорогой Донат,

письмо Торопыгина я получил, оно меня обрадовало¹. Спасибо и тебе и ему. С гонораром дело обстоит так. Я получил почти одновременно 8 руб. из одной газетки и 5 р. 30 к. из другой. «Молодежь Севера» деньги зажала. Я уже писал маме и тебе, что денег у меня всегда много, тем более, что я совсем не выпиваю,

даже в Новый год решили не пить. Да, еще неделю назад я получил из «Красного знамени» около пяти рублей. Уходят деньги вот на что. Во-первых, я покупаю жратву, во-вторых, каждая встреча со Светланой обходится рубля в четыре, т.к. надо в поезде доплачивать и вообще возникают мелкие расходы. Это я пишу не к тому, что мне, мол, не хватает, как раз хватает вполне, тем более, что Светлана с конца февраля будет несколько месяцев в Ухте (это рядом). Тебе не неприятно, что все письмо посвящено денежным расчетам? Но я думаю, что ведь тебе интересно знать и про это. Как ты смотришь на то, чтоб вы с мамой сократили хотя бы размеры посылок и денежных переводов, в связи с тем, что я получаю кое-что из газет? Мне бы это дало приятное чувство самостоятельности.

Донат, как бы сделать, чтоб кто-нибудь, Володин² или Торопыгин, прочел «Голубой паспорт». Я думаю, что если когда-нибудь я буду писать серьезно, то в прозе.

Написал я длинный рассказ (23 стр.) «Стоит только захотеть». Но я его поврал.

У меня все в порядке. Светлана болеет. Подарила мне носки. Стихов пока не пишу. Но это временно. Привет всем.

Сереза

¹ Владимир Торопыгин — поэт, редактор.

² Александр Володин — драматург.

10 января <1963. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат,

1. Рецептты твои спрятал. У нас попросту нет аптеки, разве что, спрошу при случае в Сыктывкаре. Но не уверен, что там есть лекарство, т.к. городишко жалкий.

2. С бусами должен тебя огорчить, они в дороге все расклеились, может, от холода. Ты не огорчайся. А лимонные дольки я послал Светлане. Прилагаю вырезку из ее письма. Печенье я сожрал. Все очень удивились, что это ты сам сварил.

3. 3 р. я получил. Спасибо. Почему ничего не пишешь о моем предложении поменьше вам с мамой мне посылать?

4. Носки мне пока не нужны. Мне Светлана подарила очень толстые носки.

5. Скоро пришлю тебе одно длинное стихотв<орение>. Я его придумываю с тем расчетом, чтоб можно было напечатать.

Теперь по поводу серьезных дел. Я очень подробно беседовал с Борей, и вот что мне стало ясно¹. С одной стороны, он очень хочет быть поближе к вам и боится вас обидеть другим выбором. С другой стороны, ему кажется, что редкие непродолжительные встречи ужасны тем, что приходится расставаться.

Дальше. Он очень хочет в Лялькин город². Там он сможет ближе сойтись с нетребовательными провинциальными газетенками. К тому же, как мне показало, он хочет целиком выдержать срок изгнания, чтоб наверняка себя проверить.

С третьей стороны, рассуждая практически (он очень извинялся за то, что так неприятно деловит и расчетлив), для него очень важно, где у него будет более, так сказать, интересная работа, т.к. он не хочет неблагоприятно потерять хорошую должность, на которой он сейчас (не то секретарь, не то что-то вроде). Но, как я понял, Лялькин город его больше всего манит. Он очень благодарен за хлопоты и просил тебе передать это. Итак, он пока колеблется, но склоняется к Лялькиному городу. Ты на него не сердись за нерешительность, просто он гнусно боится, как бы не прогадать. И еще ждет в этом вопросе твоего совета.

Ну вот и все. Теперь о наших делах. Я маме послал одну Светкину карточку, посылаю тебе другую, ее тоже надо вернуть.

Спасибо за все.

Сереза

¹ Здесь, как и в некоторых последующих письмах, обсуждается вопрос о возможности перевода С.Д. в другую часть. В таких случаях Сергей называет себя Борисом (именем своего двоюродного брата). Кстати, то же имя он выбирает для себя в «Записках надзирателя».

² Т.е. Сыктывкар.

5 февраля <1963. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат, газетная вырезка про обмороживание у меня, к сожалению, не сохранилась.

Хочу вас с мамой попросить вот о чем: если заметите в магазине чулок до колена, как ты мне однажды прислал, то было бы здорово его приобрести, мой совсем износился¹.

Светлана сегодня утром звонила из Ухты, приедет в субботу, и вообще, обещает приезжать каждую субботу.

Написал я одно, кажется, грамотное стихотворение. Но в нем слишком много прилагательных (в конце).

Часто думаю о том, что я стану делать после Армии, это вообще-то хороший признак, но ничего не придумал пока. Может быть, я и мог бы написать занятную повесть, ведь я знаю жизнь всех лагерей, начиная с общего и кончая особым, знаю множество историй и легенд преступного мира, т.е., как говорится по-лагерному, по фене, ВОЛОКУ в этом деле.

Но тут надо очень хитро написать, иначе самого посадить могут.

Но пока я живу себе, смотрю, многое записываю, накопилось две тетрадки. Рассказывать могу, как Шехерзада, три года подряд.

Не помню, писал ли тебе, что придумал популярнейший здесь лозунг для стрельб: ВЫБЕЙ, МАТЬ ТВОЮ ЕТИ, ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ИЗ ТРИДЦАТИ.

Будь здоров, папа.

Привет всем.

¹ В то время у С. Д. было варикозное расширение вен, что впоследствии привело к хирургической операции.

23 февраля 1963 <Коми — Ленинград>

Дорогой Донат!

Я целую ночь размышляя на посту про Борины дела, и вот что я хочу тебе сообщить. Он окончательно решил, что ему необходимо попытаться перебраться в Лялькин город, если возможность эта еще не пропала и если это не связано с изнурительными для тебя хлопотами. Главное, что Бориса заставляет просить об этом — полнейшее отсутствие в месте его теперешнего пребывания условий для работы. А там есть литературное объединение, и не одно, да и вообще совершенно другая жизнь.

Он имеет очень благоприятные отзывы о тех местах. Только все дело еще в том, чтобы перебраться именно в сам город, а не в окрестности, но даже и окрестности его устроят.

Насколько я понял, это его окончательное решение и он только чувствует неловкость за то, что так долго нагло колебался.

Кроме того, он просил передать, что всей своей дальнейшей жизнью он постарается отблагодарить тебя и твоих близких за все, что ты для него сделал, несмотря на частое невнимание, и обиды, и разочарования, которые ты видел от него.

И еще. Если что-то не будет получаться, ты ни в коем случае не волнуйся и не прибегай к очень затруднительным для тебя действиям, т.к. его окончательное решение вызвано не трудностями, а в большой мере здравым смыслом.

Будь здоров, Донат.

Привет Люсе и дочке.

Сергея

P.S. То, что Далецкому¹ понравились некоторые стихи, мне радостно, но думаю, что он просто хотел сделать тебе приятное.

¹ Павел Леонидович Далецкий — прозаик, вскоре (8.III.1963) умерший.

25 февраля <1963. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат,

вчера я отправил тебе письмо с окончательным решением и просьбой по поводу Бороного дела, а сегодня получил твое письмо про В. О. Мастеницу. Во-первых,

большое спасибо тебе и твоему товарищу. Посылать стихи мне неловко, да и правильно ли это, Донат? Если даже посчитать, что они хорошие, то песни он из них навряд ли сделает. В Ленинграде какой-нибудь Г. Орлов, может, и мог бы их спеть с эстрады, под гитару, или что-нибудь в этом роде, а в Коми, где либеральный дух гораздо слабее, чем в Ленинграде или Москве, ничего не получится. Разве что, таким образом попытаться вызвать у него личное сочувствие, чем повысить его активность. Другое дело, если ему, может, понадобится перевести, например, какую-нибудь комяцкую песню на русск<ий> язык с подстрочником, или Светкиной помощью, или что-то подобное.

Донат, не лучше ли подождать ответа, который, вероятно, он напишет М. Дмитриеву, и уж потом, узнав о его возможностях, затеять дальнейший разговор? Как ты считаешь?

Я еще раз хочу тебе сказать: если что-то не будет удаваться, ни в коем случае не огорчайся и не иди на большие хлопоты.

Решение возникло не от отчаяния, а из соображений здравого смысла, лишь после того, как я точно убедился, что я ко всем трудностям готов и ничего со мной не случится.

И еще вот что. Я понял, что при всех отрицательных сторонах жизнь моя здесь намного *благороднее*, чем раньше.

Во-первых, облагораживает то, что здесь строго мужской коллектив, облагораживает даже оружие. Несмотря на мат и драки, внутренне облагораживает. И эти три года будут для меня временем самых искренних поступков и самых благородных чувств, так что было бы хорошо, если б главные убеждения утвердились во мне в эти три года.

И еще, может, тебе интересно: я не жалею о том, что ушел из университета, не жалею, что попал в армию, пусть хоть и в эти войска, даже в конце концов не жалею, что была Ася, только жалко, что время уходит и в результате нельзя сказать, что у меня была очень уж хорошая юность. Но в общем настроение хорошее, в основном благодаря Светлане.

Недавно я получил от нее торжественное письмо на красивой бумаге, где сказано: «Ты для меня живешь с тех пор, как я тебя узнала, а женитьбу я решила считать недействительной».

Вот о чем я тебя хочу попросить. Дело в том, что от Светланы я получил несколько писем, где она пишет, что ей не нравится ее профессия. Она проходит практику в Ухте, в школе, и ученики 8-го кл<асса> обращаются к ней на «ты» и не смущаются, а один десятиклассник даже пытался расцеловать. Так вот, у меня, к сожалению, не сохранилось то письмо, где ты хвалишь биологию, а я, как ни пытался, ничего не могу выдать из себя на эту тему. И хотя разочарования ее относятся в основном к профессии учительницы, а не к предмету биологии, было бы очень хорошо, если б ты еще раз изложил свое мнение и прислал мне от<дельной> запиской в письме, с таким сюжетом и началом: «Передай Светлане, что... и т.д.» (Письма я уничтожаю потому, что наши помполиты любят ознакомиться с содержимым тумбочек и тетрадей, и когда я что-то записываю, то пишу лишь несколько отрывочных слов, полагаясь на память). Сделай, Донат.

Последнее письмо от Светланы было посвящено целиком осуждению склонности к спиртным напиткам с высот последних достижений науки биологии. Мелькали имена Павлова, Линнея, Данилевского. Попадались забавные антиалкогольные агитки, вроде:

Ест Федька с водкой редьку
Ест водка с редькой Федьку

Ты знаешь, я в одной местной газетке прочел четыре строчки, по-моему, смешные. Это подпись под карикатурой:

Курятник выстроили наспех,
Как говорится, курам на смех,
Но вот когда зима настала,
Уж не до смеха курам стало.

Вот, Донат, собственно и все. Большой привет Люсе и Ксе. За все спасибо.

Сергея

16 марта <1963. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат, недавно я слышал от одного з/к стихи, которые когда-то ты декламировал в нетрезвом виде. «Скрипка, скрипка, больше не могу я, не рыдай, родимая, не плачь» и т.д. Он сказал, что это стихотв<орение> написал его знакомый, с которым они вместе тянули срок где-то в районе Магадана. Фамилию не помнит. Кто написал это стихотворение?

Ты знаешь, папа, в зоне ООР (особо опасный рецидив, убийцы) заключенные выстроили снежную бабу невероятного размера, причем не примитивной формы, а вполне реалистическую старушечку в очках, в платочке и т.д.

Я отослал Светлане твое письмо про биологию и сам теперь не рад. Она засыпала меня бесконечно длинными посланиями про безусловные рефлексы, про слюноотделение, с изнурительными цитатами из Павлова.

Письма от нее и раньше не отличались особым лиризмом, а теперь вообще беда. Но тебе большое спасибо, хотя, как я и думал, больше всего ее заинтересовала такая фраза, не имеющая прямого отношения к биологии: «... ваши отношения к тому времени не только определяются, но и оформляются...»

У меня все в порядке. Самое трудное — первую зиму — я пережил. Стихов не пишу, но очень много размышляю о всякой всячине.

Присылаемые тобой вырезки я внимательно читаю и вижу, какие умные и серьезные разговоры ведутся сейчас о литературе. Но больше всего меня привлекла одна строчка из статьи Б. Сарнова: «По-моему, поэзия есть высшее проявление человеческой порядочности».

Недавно я читал стихи Е. и понял, что это единственный мне известный поэт, которому идет на пользу то, что в СССР нет «свободы слова». Мне кажется, что если ему позволить писать все, что угодно, он будет писать пошло и дешево.

Еще мне понравилась статья Наумова о В. Мне понравился его высокомерный тон, и то, как он высмеял глубоко научные размышления критиков о заурядных стихах В. И приведенные им цитаты из малоизвестных «молодых» очень выгодно иллюстрировали статью.

Недавно я обьелся халвой и испытал сильные муки, мне обидно, что они происходили от такого благородного и хорошего предмета, как халва.

Да, наконец, на девятом месяце я научился сворачивать сигарку, сдавал в сушилке экзамен, успешно выполнил задачу: свернул «козью ножку» из 6 пачек махорки и половины газеты «Красная Звезда».

Должен сообщить, что и здесь, на шестерке я стал абсолютным чемпионом подразделения по «рукопашному бою». Это наш особый вид спорта, вроде бокса. И еще вот что: я вдруг загорел. У нас собачьи холода, а я, видите ли, вдруг загорел. Скоро наступит весна, з/к называют ее «зеленым прокурором», начнутся беги и не будет так скучно.

Большой привет всем, особенно Люсеньке и Ксюше. Пиши.

Сергея

<Март 1963. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат! Ты спрашивал в письме, что случилось со стихами. Дело в том, что с середины февраля я пишу повесть, которая называется «Завтра будет обычный день». Это детективная повесть. Не удивляйся. Там есть и стрельба, и погоня, и розыскные собаки, и тайга, и рестораны, и даже пожар. Меня в этой повести интересует вопрос страха и трусости. И еще о долге. И о том, что кто-то должен делать черную работу. Там много написано про офицера, который всю жизнь проработал в исправительных колониях. Я написал около 150 стр. (от руки), но, очевидно, большую часть выкину, и получится просто длинный рассказ. А стихов я давно не пишу. Написал как-то злобное и плохое стихотворение:

На станции метро, среди колонн,
Два проходимца пьют одеколон
И рыбий хвост валяется в углу
На мраморно сверкающем полу.

Мы ближе к коммунизму с каждым днем
Мы запросто беседуем о нем.
А в космосе, быть может, среди звезд
Летает по орбите рыбий хвост.

Вообще-то у меня ничего нового. Все в порядке. Прочел еще раз фельетоны Лиходеева, опять очень понравились. Спасибо.

Привет Люсе и Ксюше.

15 апреля <1963. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат, у меня все в порядке. Ума не приложу, что бы тебе эдакое написать. Среди всякогохлама мы внезапно обнаружили штангу, вытащили ее на дорогу, и появилось новое развлечение.

Мама в одном из писем усомнилась в том, что я не пью водку. Объясни ей, что мы живем в лесу, в 12 км от ближайшего населенного пункта, да и тот невелик, вроде Комарово, даже поменьше. У нас, правда, имеется ларек, но в нем нет спиртных напитков. Конечно, приложив старание и затратив много энергии, можно раздобыть бутылку водки, но на это идут только фанатики.

Другое дело, что к нам поступают из лагеря наркотики, но я их по разу попробовал и решил, что это мне ни к чему.

Стихов я не пишу уже давно.

В субботу убил глухаря. Это, кстати, уже не первый, просто я забывал похвастать.

Вот, собственно, и все. Привет Люсе и Ксюше.

С. Д.

16 апреля <1963. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат, большое спасибо за деньги и за посылку. У меня все в порядке. Не сердись, что я стал реже писать, просто раньше в нашей переписке большую часть занимали разговоры о стихах, а теперь стихов нет, и писать, в общем, стало не о чем.

Я, несмотря на природную лень, стараюсь извлечь какую возможно пользу из моего пребывания здесь.

Я научился печатать на машинке со скоростью машинистки, находящейся на грани увольнения.

Недавно у нас был зачетный лыжный кросс, недели две назад, и я без труда уложился в норму ГТО — 2 ступени. Это не ахти как шикарно, но я ведь до армии ни разу в жизни не вставал на лыжи. Всю зиму я занимался штангой и боксом. В начале мая поеду в Вожаель сдавать зачеты на звание внештатного инструктора физкультуры. До сих пор не оставляю попыток заниматься на заочных курсах. Но это пока не удается.

Кроме того, я, например, умею делать все северные хоз'яйственные работы, связанные с дровами, — пилить, колоть и т.д. Еще в Чинья-Ворыке я однажды на спор расколол за день более 4-х кубов березовых дров.

Могу за 10—15 минут срубить толстую сосну.

Приходилось мне бегать по 5 км в полной форме и с оружием.

У меня накопилось 6 благодарностей за отличную стрельбу. Правда, недавно мы сдавали на разряд, я стрелял из чужого автомата, и результат был очень плохой.

Кроме того, побывав в различных передрягах, я привык вести себя спокойно в затруднительных случаях.

Не подумай, что я хвастаю, просто хочу, чтоб ты не сомневался в том, что от всей этой истории есть явная польза.

И еще я знаю, что человек, который хотя бы один-единственный раз испытал серьезную опасность, узнал большой страх, уже никогда не будет пижоном и трепачом.

Кроме того, я не замечаю, чтоб я очень одичал, стал шпаной или хамом, несмотря на то, что все это лагерное соседство сильно влияет на солдат. Недавно трое парней ушли в лес на преследование, беглеца застрелили, но тащить его было тяжело, тогда солдаты отрубили ему руку и привезли в качестве вещественного доказательства.

Донат, я еще в июле месяце дал себе слово, что не буду в письмах рассказывать вам о местных чудесах, и поэтому давай лучше говорить о другом.

Я внимательно прочитывал в газетах все последние литературные статьи. Я читал все повести А. и Г. и повесть Б. тоже читал. Мне все это не понравилось.

Они все дружно взялись описывать городских мальчиков из хороших семей, начитанных и развитых, которые разыскивают свое место в жизни. Я знал десятки таких, да и сейчас продолжаю с ними встречаться. Все лагеря общего и облегченного режима забиты этими мальчиками. В книгах они получают очень обязательными, остроумными и нарядными. А мне кажется, что если писать о них, то нужно писать и про то, как они болеют триппером, совершают дегенеративные женитбы, разбивают в пьяном виде чужие автомобили, как попадают на спекуляции, как бросают беременных своих подруг, то есть обо всех трагических развязках, к которым *всегда* приводит безделье и затянувшийся поиск места в жизни. С легкой руки всех этих А. наше поколение (я имею в виду — мое) может войти в историю под названием «поколение мальчиков». Григорий Мелехов по возрасту моложе, чем «эти» герои, но он по сравнению с ними прямо-таки Прометей.

Дорогой Донат, я довольно коряво изъясняюсь, да и особо оригинальных мыслей, вероятно, не высказываю, просто я хочу, чтоб ты знал мое мнение обо всем этом.

Не беспокойся, у меня все в порядке. Привет Люсе и Ксе.

Серезжа

P.S. Вероятней всего, что после армии я буду работать и вечером учиться на русском отделении ЛГУ. Если мне не удастся совмещать учебу и работу, то, значит, учиться мне не следует.

С. Д.

28 апреля <1963. Коми — Ленинград>

Дорогой Донат,
спасибо тебе за все¹.

Телеграмму отправить я не мог. Такая возможность бывает очень редко, с оказией. Обратное уведомление тоже не стал посылать, т.к. оно пришло бы одновременно с этим письмом.

Деньги мне не нужны. Все перемещения производятся за счет государства.

Пока ничего не слышно. И действительно, может пройти месяц, прежде чем какой-нибудь шорох появится.

Настроение у меня приподнятое. Горю желанием расторгнуть мой дегенеративный брак.

Никаких отвалных, прощальных мордобоев, все будет хорошо.

Всем спасибо, особенно тебе.

С. Д.

Посылаю тебе стихотворение, которое написал мне очень талантливый человек, автор многих острожных песен В. Беланенко.

Сергей, ты видишь, ветер против нас,
Он бьет в лицо, как часто бьют за подлость.
Нам все равно. Мы ставим ноги в грязь,
В значительность играем и в суровость.

Мне наплевать, что эту весной
Уйдет тепло с последним черным снегом,
Раз ты уедешь, храбрый и смешной,
И длинный, как суданский негр.

Иди, поторопись, дорога ждет.
Вороний крик пугает осторожных.
И тишина спокойных стережет,
И простота ломает слишком сложных.

¹ Благодаря содействию актера Александра Борисова, с которым до этого Д. Мечик работал в Пушкинском театре, в конце апреля или начале мая 1963 г. С. Д. был переведен в Ленинградскую область.

«Май 1963. Ленинградская область — Ленинград»

Дорогой Донат!

Я задержал письмо из-за того, что ждал выяснения некоторых вещей, связанных с моей венозной конечностью.

Так вот. У меня все в порядке. Подразделение здесь маленькое (25 чел.), чистенькое. Командиры вежливые и приветливые, солдаты послушные и задумчивые. Лагерь — усиленного режима. Это, в сущности, то же самое, что и «общий». Например, если человек изругает матом старуху в очереди — он получает общий режим, если же он при этом толкнул ее локтем — усиленный. Служба здесь совершенно безопасная, побегов нет. Разве что, в кои веки, пьяный з/к попытается убежать, и то не навсегда, а так, погостить. (Здесь ведь все ленинградцы.)

Наша врачиха (она сообщила мне впоследствии, что 22 года проработала в хирургии, что она майор мед<ицинской> службы) осмотрела мою ногу и твердо сказала, что меня должны комиссовать. Тут, как назло, затерялась моя мед<ицинская> книжка, и я со дня на день жду, что ее затребуют из штаба. После этого меня пошлют в госпиталь, где будет установлено, надо ли меня оперировать. Там же я постараюсь выяснить, подлежу ли я с моей болезнью и с имеющейся степенью болезни увольнению в запас.

Никаких радикальных действий я не допущу, не посоветовавшись предварительно с тобой. Пока не беспокойся, я все выясню и тебе сообщу.

Одно время у мамы мелькнула мысль, что я раздумал разводиться с Асетриной. Это произошло из-за моего скверного характера, да и из-за маминного. Она, как ты догадываешься, стала обливать грязью мою супругу, приписывая ей даже уж такие качества, как сильный еврейский акцент.

Как всегда в таких случаях, я очень заверещал, т.к. я Асю вообще-то жалею, и по-свински целую неделю держал маму в страхе. Но потом она сумела заметить, что я, приходя в воскресенье домой, ей (Асе) не звоню и болтаюсь с Валерием и Сашей.

Светлана прислала письмо, где всячески меня чернит за то, что я уехал и замолчал. Я сперва и сам недоумевал, чего же это я молчу, но тем временем получил письмо от одного приятеля из Вожаеля, который, страдая от угрызений совести, сообщает, что подсыпался к ней тоже, был благосклонно принят, а также был целуем, обнимаем, хватаем за всякие места, но в последний миг остановлен просьбами и логическими доводами, как, впрочем, и я.

После этого он на нее разобиделся и решил мне обо всем написать. Это письмо у меня, я его тебе покажу. Кроме того, родители Светланы, очевидно, в сговоре с дочкой предприняли наивную попытку провинциального шантажа. Они нагло сообщили моей маме, что Светлана в положении. Но мне доподлинно известно, что для рождения ребенка как минимум нужно совершить половой акт, иначе быть не может. Мы с мамой посмеялись и решили на них на всех наплевать. Сейчас я всем своим громадным сердцем устремлен в грядущие амурные баталии.

Теперь относительно учебы. Я считаю, что надо либо стремиться получить приличную специальность (т.е. закончить с грехом пополам ЛГУ и стать переводчиком, журналистом или преподавателем) русского языка). Скорей всего так и будет со мной. Но предварительно я сделаю свирепую попытку поступить в лит<ературный> институт в Москве. Говоря проще, пошлю туда два рассказа на конкурс, который бывает перед экзаменами. Если вдруг я этот конкурс выдержу, то остальные экзамены мне сдавать не нужно, если нет, то я покорно пойду в университет, но непременно на вечернее отделение.

Настроение у меня хорошее. Здесь на меня смотрят, как на ветерана, вернувшегося с передовой.

На первом курсе инст<итута> Островского появилась девочка 18 лет, неписуемой красоты. Ее зовут Тамара Уржумова. Я очень заволновался и засуетился. Но ей, кажется, уже сообщили, что ею интересуется один подонок-солдат, это может испортить дело.

Да, В. Г., смущаясь и юля, сообщил мне, что вскоре после моего отъезда в Коми спал с А. Р. Так что, Донат, все кругом безнравственны и лживы, и мое откровенное легкомыслие мне с каждым годом все милей.

Я написал короткий рассказ, ничего особенно<го>, просто в спокойном тоне описывается один жуткий случай в лагере ООР.

Большой привет Люсе и сестричке.

Всех вас обнимаю. Не беспокойтесь, все хорошо.

А у вас?

Сергея

«Май 1963. Ленинградская область — Ленинград»

Дорогой Донат,

Я хочу у тебя попросить, не можешь ли ты прислать мне в письме рубль. Дело в том, что у Елены 17-го день рождения¹. В субботу я получу получку, и мне не хватает именно рубля. Взять у Елены значило бы дискредитировать саму идею подарка, а мама сама Елене что-то дарит и тратится. Мое письмо ты получишь в среду, худшее в четверг, если бы в воскресенье днем мог получить твое письмо. Если я застал тебя в момент полного безденежья, то ничего страшного, я легко обойдусь. Гораздо больше меня пугает, что ты пришлешь больше, чем я прошу и чем мне нужно. Это будет очень неприятно и сильно затруднит общение с тобой на эту тему.

Донат, если захотите, приходите в воскресенье вечером. Но я должен предупредить, что будут присутствовать (...).

У меня все в порядке. По-прежнему тревожат нас слухи о том, что в связи с образованием вольных поселений вместо лагерей, планируется не то сокращение срока службы, не то частичная демобилизация наших войск.

Но я стараюсь об этом меньше думать.

Настроение чаще всего хорошее.

Большой привет Люсе.

Всего доброго.

С

¹ Елена Довлатова, с которой С. Д. познакомился в тот период, ставшая впоследствии его женой.

«Начало сентября 1963. Ленинградская область — Москва¹»

Дорогой Донат,

ты понимаешь, какая история. Я до сих пор никак не могу съездить в Комарово². Дело в том, что отношения с начальством несколько ухудшились и в увольнение меня теперь отпускают не так просто. В прошлый раз я уехал домой в субботу, в 9 часов вечера, а в 12 дня в воскресенье уже должен был вернуться. В этот раз, несмотря на то, что был день рождения, меня отпустили в 6 часов, и опять до утра³. Тебе, наверное, кажется, что я сочиняю, но мама обещала написать тебе и подтвердить все это.

В субботу я выпил много экспортной водки. Мама говорит, что у меня, равно как и у тебя, в нетрезвом виде бесследно пропадает обаяние.

Все остальное по-прежнему. Ничего нового. Настроение сносное. Я подумываю, не лечь ли мне в окружной госпиталь и не сделать ли операцию. Ведь в ОВР врачи тоже очень хорошие⁴. Мне очень надоела большая нога. Но мама велела посоветоваться с тобой. Я не очень верю, что Суматохин может чем-нибудь помочь, и поэтому, мне кажется, нужно лечь и оперироваться наконец⁵. Какживает Люся?

Будь здоров, Донат. Пиши.

Сергей

¹ Осенью 1963 года мои родители на полгода уезжали в Москву — отцу предложили преподавательскую работу в актерской студии Маслюкова.

² До 9 лет я жила в Комарово, с родителями моей матери. Сергей время от времени приезжал к нам.

³ День рождения С. Д., 3 сентября.

⁴ ОВР — окружной военный госпиталь.

⁵ «Суматохин», т.е. Самотокин — врач, крупный специалист из Военно-медицинской академии, который часто отдыхал в Комарово. Мои родители в то время обратились к нему за советом.

23 сентября <1963. Ленинградская область — Москва>

Дорогой Донат!

На этот раз меня отпустили до 4-х часов, и я выбрался в Комарово. Привез Ксюше куколку и бусы. Она меня познакомила со своей подругой, и мы вместе готовили обед из всевозможных букашек и листочков. После этого меня накор-

мила Люсина мама настоящим шикарным обедом. После этого я некоторое время испытывал сильнейшую негу и сытость и в связи с этим сидел на скамейке, а Ксюша бодро крутила обруч. Потом я тоже немного покрутил, доказав этим, что сталинское поколение тоже не лыком шито.

Потом мы имели с сестрицей душевный разговор о жизни, в ходе которого я со скрытой радостью установил, что мою сестру не слишком тянет в школу. Но не беспокойся, я лицемерно выступил в защиту среднего образования, так что мое влияние не было тлетворным.

Затем я поиграл в городки с каким-то отдыхающим писателем, очевидно, не слишком крупным, во всяком случае в хрестоматии его портрета я не встречал.

Потом я отбыл, провожаемый Ксенией и Петром Евд<окимовичем>, который мне очень нравится¹.

У меня все по-прежнему. Валерию удалось добиться свободного диплома, и он неожиданно устроился в ТАСС.

Недавно я прослушал лекцию «О девичьей чести и мужском достоинстве». Всегда, когда я слышу общественные беседы на эту тему, испытываю желание набить морду лектору, а если лектор женщина, то изнасиловать ее и таким примитивным образом выразить свой протест против высказываемых ею ханжеских догм.

Кроме того, нам иногда толкуют про козни Китая, и злорадно сообщают, что в Китае голод и разруха. Это свинство. Тем более, что у меня временами бывает такое собачье настроение, что я начинаю симпатизировать китайцам, которые хотят взорвать нашу планету к чертовой матери. Но такое настроение быстро проходит и возвращается способность трезво оценивать политические события.

Но вообще говоря, я заметил, что у меня установились с окружающим миром странные полусушительные отношения. Я уже давно ни с кем не говорил ни о чем серьезно.

Обидно, что ты никуда не ходишь, живя в столице. Ведь в Москве живут все лучшие поэты, писатели и прочие богемцы, кроме Шолохова и Минчковского.

Как Люся? Нравится ли ей работа, устраивает ли? Ей большой привет.

Твой друг Лонгин по своим сценическим приемам является последователем и продолжателем дела Ивана Санина, который в свою очередь является сподвижником раннего Бенцианова².

Стихотворение «Ландыши» мне давно не нравится. Оно очень сентиментально и предназначено для худшей части швей-мотористок.

Дорогой Донат, если я правильно угадываю подтекст твоих писем, то, несмотря на усталость и пр., ты все же удовлетворен этой работой. Мне кажется, если б ты смог ценой больших усилий освободиться от долгов, то потом тебе нужно сесть и за три месяца написать серьезную книжицу об эстраде, о том, какой ей надлежит быть, о которой мечтали Маяковский и Мейерхольд, т.е. о разделе искусства, который может в наше время быть вторым после кинематографии³.

Всего хорошего тебе и Люсе. В след<ующее> воскресенье постараюсь поехать в Комарово.

Сергей

¹ П. Е. Рябушкин — отчим моей матери, который работал тогда директором Дома творчества писателей в Комарово.

² А. Лонгин, И. Санин, Б. Бенцианов — ленинградские эстрадные актеры.

³ Впоследствии Д. Мечик написал книгу «Искусство актера на эстраде», которая вышла в ленинградском издательстве «Искусство» в 1972 году.

«Осень 1963. Ленинградская область — Москва»

Дорогой Донат!

Фортуна наконец повернулась ко мне харей. 11 ноября я ложусь в Академию, и потом, очевидно, буду отпущен на волю.

Самотокин сказал, что кой-какие натяжки он может сделать. Это, вообще говоря, весьма кстати, т.к. отношения с генералитетом испортились вконец. С мамой мы, кажется, ладим.

Хотел прислать тебе несколько рассказов, но ты ведь приедешь в начале ноября, поэтому воздержусь. Ничего нового, временами нахлынывает собачья тоска, но не часто.

Большой привет Люсе. С Асетриной мы все собираемся дружно начать разводиться, но никак не начнем, у меня времени нет, а ей лень. Но я возьмусь.

Сергей

«Осень 1963. Ленинградская область — Москва»

Дорогой Донат,
после операции я две недели лежал почти вниз головой, кроме того, под меня подсовывали прохладный железный сосуд, к тому же кололи четыре раза в день в зад. Таким образом мой дух был сломлен, я был унижен, вял, несловоохотлив. Но я попросил маму немедленно написать тебе подробное письмо обо всем.

Нога у меня как новенькая. Операция была почти безболезненная, у меня даже не поднялась температура, что бывает крайне редко.

С комиссацией ничего не получится, мою хворобу никак не подвести под статью.

Максимум того, на что можно рассчитывать, — 30 дней отпуска при части, минимум — 10 дней. А после этого командир части решает, отпустить ли меня домой. Может отпустить на все 30 суток, может на 10, а если сволочь — вообще может не отпустить, а держать в подразделении.

Настроение у меня хорошее. Во-первых, рад, что сделали операцию, во-вторых, рад отпуску, кроме того, я здесь очень недурно просуществовал, читал книги, ел и пр.

Ты пишешь, что приедешь числа 12—13-го. Если из-за меня, то не торопись, т.к. комиссия завтра, т.е. во вторник. Воздействовать на нее уже невозможно.

Еще раз повторяю, что я очень рад, что полежал, а если еще на месяц отпустят домой, то и вообще буду счастлив.

Большой привет Люсе.

Спасибо.

Сергей

«Осень 1963. Ленинградская область — Москва»

Дорогой Донат,
за десять лет сознательной жизни я понял, что устоями общества являются корыстолюбие, страх и продажность. Или, выражаясь языком поэтическим:

Земля стоит на трех больших китах:
Продажность, себялюбие и страх.

Человек, как нормальный представитель фауны, труслив и эгоистичен. Если бы существовал аппарат, способный фиксировать наши скрытые побуждения, мы бы отказались узнавать самих себя.

Процветание Запада объясняется тем, что капитализм всецело поощряет самые мощные и естественные свойства человека, например, стремление к личному благополучию. Непреодолимая трудность нашего строя заключается в том, что он требует от людей того, что несвойственно вообще человеческой природе, например, самоотречения и пр.

Возникает вопрос, чем тогда объяснить примеры героизма, полного отречения от себя и пр.

Все это существует. Когда я был на севере, то видел, как мои знакомые, нормально глупые, нормально несимпатичные люди совершали героические поступки. И тогда я понял, что в некоторых обстоятельствах у человека выключается тормоз себялюбия и тогда его силы и возможности беспредельны. Это может случиться под воздействием азарта, любви, музыки и даже стихов. И еще, в силу убеждения, что особенно важно.

Например, К. всем известная стерва и выжига, но по отношению к Б. способна на семейный героизм.

А. Матросов обнял пулемет в силу азарта, но, конечно, в лучшем и крайнем смысле этого слова.

По всей вероятности, задача искусства состоит в том, чтоб выключать в человеке тормоз себялюбия.

Рациональный фактор изменяется очень быстро. Путь от телеги к ракете это одно мгновение. Но натура человека абсолютно неизменна. Рассчитывать можно только на тех, кто физически связан с тобой (кровно и пр.), всем остальным нет до тебя никакого дела. Присмотрись однажды к своим чувствам. Если, например, завтра умрет В. В. Меркурьев, человек явно тебе симпатичный, то ты, во-первых, испытаешь огорчение зрителя вполне естественное, во-вторых, публично взгрустнешь в силу ханжества, но никакой боли за него самого, за то, что он перестал жить, ты не почувствуешь.

Мы живем в плохое время и в плохой стране, где ложь и неискренность стали таким же инстинктом, как голод и любовь. Если у меня будет сын, я его постараюсь воспитать физически здоровым, неприхотливым человеком и приучить к беспартийным радостям, к спорту, к охоте, к еде, к путешествиям и пр. Да я и сам еще рассчитываю на кое-что в этом смысле.

Если что-то в моем письме тебе покажется неверным, то лишь потому, что не сумел изложить все это достаточно грамотно и убедительно.

Между прочим, настроение у меня прекрасное. Командует нами капитан Токарь, украинец. Он лысый настолько, что может причесываться, не снимая фуражки. Он, конечно, дурак и хам и все прочее, но человек бесхитростный, беззлобный и искренний. Все это очень приятно после того, что было на старом месте.

Глюкоза и прочие витамины поступают в непривычном для меня количестве. Это тоже хорошо. Народ в команде хороший. Тут царит обстановка простого, безыскусственного хамства. Все это меня вполне устраивает.

С Леной все хорошо и с мамой тоже. С нового года буду заниматься. Июнь, июль, август я все три месяца ежедневно по 3 часа занимался английским языком, чтоб восстановить прежние запасы. Оказалось, что это очень даже приятно.

В общем, все хорошо. В «Огоньке», кажется сентябрьском, есть статья о Ф. Ф. Раскольникове и его фото с братом Женевским.

Всем привет.

С.

Публикация и примечания Ксении Мечик-Бланк

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ЕВГЕНИЙ РЕЙН. Стихи	3
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ. Пропадать, так с музой. <i>Рассказ</i>	5
ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ. Стихи	14
БОРИС РОХЛИН. Невольная карьера одного римского гражданина. Призрение. <i>Рассказы</i>	18
ДМИТРИЙ ПРИТУЛА. Брамс, квартет № 3. Факел. <i>Рассказы</i>	25
ЭЛЛА КРЫЛОВА. Стихи	35
ЕЛЕНА ПОЛТОРЕЦКАЯ. Стихи	36

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИОСИФ БРОДСКИЙ. «Раб, пойди сюда, послужи мне!» <i>Перевод с английского</i> <i>Александра Сумеркина</i>	37
КЕЙС ВЕРХЕЙЛ. Вилла Бермонд. <i>Роман. Авторизованный перевод</i> <i>с голландского Ирины Михайловой</i>	42
ТОМАС ВЕНЦЛОВА. Стихи. <i>Перевод с литовского Владимира</i> <i>Гандельсмана</i>	78

ДИАЛОГИ

СОЛОМОН ВОЛКОВ. Разговоры с Иосифом Бродским. Детство и юность в Ленинграде. Аресты, психушки, суд	82
---	----

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ. Армейские письма к отцу. <i>Публикация, вступительная</i> <i>заметка и примечания Ксении Мечик-Бланк</i>	108
--	-----

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

СЕРГЕЙ ВОЛЬФ. Вокруг да около автографа	142
---	-----

МЕМУАРЫ XX ВЕКА

И. В. ЖИВОПИСЦЕВА. Живые картины (<i>Из воспоминаний о Гале, Булате</i> <i>и о себе</i>)	151
МИХАИЛ БЕРГ. Тридцать лет спустя (<i>30-я, 10-6, выпуск 1969-го</i>)	162

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

С. Б. ФИЛИМОНОВ, Д. В. ОМЕЛЬЧУК. «Выслать из пределов РСФСР без права возвращения...» <i>Следственное дело отца Сергея Булгакова</i>	178
---	-----

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

ЭДУАРД ШНЕЙДЕРМАН. Крути на воде (<i>Свидетели защиты на суде над</i> <i>Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР</i>)	184
ИГОРЬ СМЕРНОВ. «Европейская». <i>Из истории нравов</i>	200

ЭССЕИСТИКА И КРИТИКА

ЛИЛЯ ПАНН. Горячее зеркало	207
АЛЕКСАНДР ГЕНИС. Петербургские школьники о Сергее Довлатове	217

ТАКАЯ ВОТ ИСТОРИЯ

Я. ГОРДИН. Вступление	222
«Как честный советский человек...» <i>Публикация и вступительная заметка</i> <i>Анны Розиной</i>	223
АНОНИМ. Черновая поэма. <i>Фрагменты</i>	225
ПАВЕЛ ИРИНИН. Четыре стихотворения	226
В. И. ВЕЛИКАНОВ. Отец и мать. <i>Глава из книги «Судьбы людские»</i>	228